

Академия наук СССР

Институт истории
естествознания и техники

ИЗ ИСТОРИИ БИОЛОГИИ

Выпуск 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва, 1971

Редколлегия:

Л. Я. БЛЯХЕР

Б. Е. БЫХОВСКИЙ

К. М. ЗАВАДСКИЙ

И. И. КАНАЕВ

К. В. МАНОЙЛЕНКО

(ответственный секретарь)

С. Р. МИКУЛИНСКИЙ

(ответственный редактор)

В. И. НАЗАРОВ

(ответственный секретарь)

М. Г. ЯРОШЕВСКИЙ

Настоящий выпуск посвящен преимущественно развитию проблем эволюционного учения, эволюционной морфологии и генетики. В статье Л. Я. Бляхера впервые в истории советской биологии показано значение научной деятельности Г. Зейдлица как одного из защитников и пропагандистов теории Ч. Дарвина в Дерптском университете. Впервые публикуется одна из неизвестных работ С. С. Четверикови по популяционной генетике. В книгу включены также материалы по другим отраслям биологии. Большинство статей написано известными специалистами в области истории биологии. Книга рассчитана на биологов, студентов и аспирантов биологических факультетов и всех интересующихся историей биологии.

Авторы

посвящают этот сборник

профессору

Леониду Яковлевичу

БЛЯХЕРУ

в связи с 70-летием со дня рождения

и 45-летием научной

и педагогической

деятельности

ГЕОРГ ЗЕЙДЛИЦ И ЕГО КУРС ДАРВИНИЗМА В ДЕРПТСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Л. Я. Бляхер

Прослеживая пути первоначального распространения эволюционной идеи в России, С. Л. Соболев установил, что первыми откликниками на «Происхождение видов» Дарвина были переводные статьи, напечатанные в 1860 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» и в «Вестнике естественных наук», издававшемся Московским обществом испытателей природы¹.

В начале 60-х годов прошлого века в распространенных русских журналах стали появляться подчас довольно обширные публикации, ставившие целью ознакомить читателей с основным трудом Дарвина². Не все эти попытки популяризации эволюционной теории были одинаково удачными — сказывалась неподготовленность некоторых авторов к изложению специальных биологических вопросов. В 1864 и 1865 гг. вышли в свет два

---

¹ С. Л. Соболев. Первые сообщения о теории Ч. Дарвина в русской печати (Из истории Московского общества испытателей природы).— Бюлл. МОИП, отд. биол., 1945, т. 50, вып. 3—4, стр. 128—138; он же. Из истории борьбы за дарвинизм в России.— Труды Ин-та истории естествозн. и техн., 1957, т. 14, стр. 195—226.

² Б. Е. Райков (Из истории дарвинизма в России. Очерк второй.— Труды Ин-та истории естествозн. и техн., 1960, т. 31, стр. 17—81) рассмотрел содержание следующих журнальных статей того времени: (Аноним) Дарвин и его теория образования видов.— Библиотека для чтения, 1861, № 11, стр. 21—40; № 12, стр. 25—36; Н. Н. Страхов. Дурные признаки.— Время, 1862, № 11, стр. 158—172; С. А. Рачинский. Цветы и насекомые.— Русский вестник, 1863, № 1, стр. 347—396; К. А. Тимирязев. Книга Дарвина, ее критика и комментарии. (Приведено английское название труда Дарвина и заглавие русского перевода О. Рачинского.) — Отечественные записки, 1864, № 8, стр. 880—912; № 10, стр. 650—685; № 12, стр. 859—882; Д. И. Писарев. Прогресс в мире животных и растений.— Русское слово, 1864, № 5, № 6, № 7, № 9; М. А. Литонович. Теория происхождения видов (также приведено заглавие перевода Рачинского).— Современник, 1864, № 3, стр. 63—107.

издания первого русского перевода «Происхождения видов»¹ и два перевода книги немецкого натуралиста Ф. Ролле, излагавшего в популярной форме эволюционные воззрения Дарвина², а в 1867 г. перевод небольшой книги Г. Омбони на эту же тему³. Таким образом, читатели литературно-публицистических журналов и научно-популярных книг могли составить представление об основных положениях теории эволюции. В то же время проникновение идей Дарвина в университетские курсы происходило медленно, наталкиваясь на сопротивление как официальных кругов, так и консервативной профессуры.

История борьбы за дарвинизм в России, в частности в русских университетах, еще не получила систематического освещения в литературе по истории биологии. В первой из упомянутых выше статей С. Л. Соболев справедливо заметил, что в качестве подготовительных работ могут быть полезны и небольшие очерки, написанные на основании забытых или малоизвестных источников и касающиеся отдельных эпизодов этой борьбы.

Подобным эпизодом было чтение специального курса дарвинизма в Дерптском (ныне Тартуском) университете Георгом Зейдлицем и выход двумя изданиями его книги «Теория Дарвина. Одиннадцать лекций о происхождении животных и растений путем естественного отбора»⁴, отражающей содержание его курса.

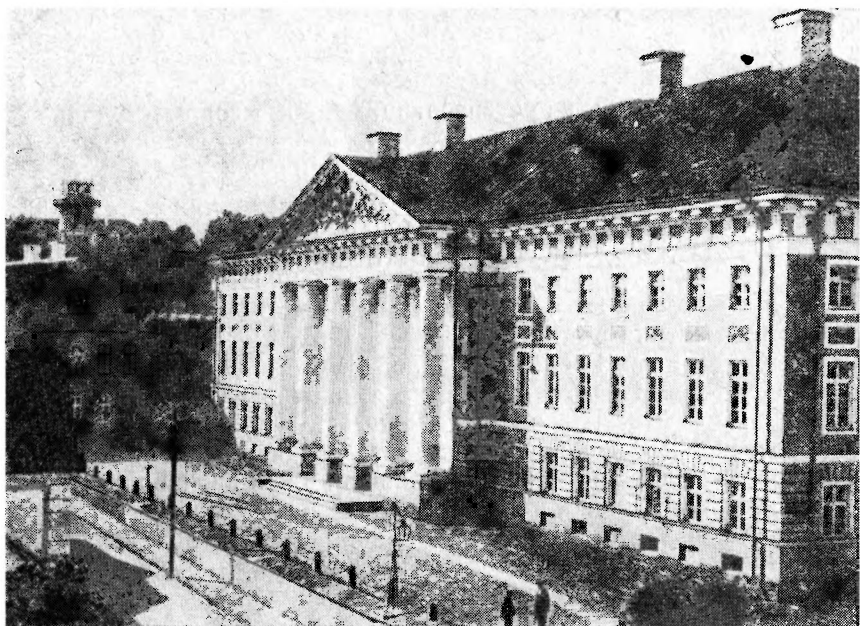
---

¹ О происхождении видов в царствах животном и растительном путем естественного подбора родичей, или о сохранении усовершенствованных пород при борьбе за существование. Сочинение Чарльса Дарвина. Перевел с английского профессор Московского университета С. А. Рачинский. СПб., 1864, XIV+399 стр.

² Ф. Ролле. Карла Дарвина учение о происхождении видов в царстве растений и животных, примененное к истории миротворения. Пер. М. Владимирского. СПб., 1864, XXXII+317 стр. Другой перевод книги Ролле выполнил С. А. Усов (Ф. Ролле. Учение Дарвина о происхождении видов, общепонятно изложенное. Пер. с немецкого. М., 1865, 256 стр.).

³ Г. Омбони. Дарвинизм или теория появления и развития животных и растительных видов. Пер. Н. Н. Макарова. СПб., 1867, 57 стр. (цит. по Б. Е. Райкову; см. сноску 2 на стр. 5).

⁴ G. Seidlitz. Die Darwin'sche Theorie. Elf Vorlesungen über die Entstehung der Thiere und Pflanzen durch Naturzüchtung. Dorpat, 1871, XXXVIII+230 S; о н ж е. Zweite vermehrte Auflage. Leipzig, 1875, VIII+346 S. В примечаниях к «Воспоминаниям» Ч. Дарвина (Сочинения, т. 9, 1959, стр. 436) С. Л. Соболев упомянул об уроженце Петербурга Г. Зейдлице, авторе библиографического указателя по дарвинизму, опубликованного в 1877 г. в журнале «Космос», и вышеназванного сочинения, о котором сказано, что «для своего времени его книга была одним из лучших курсов дарвинизма». Ограничившись этой краткой характеристикой, С. Л. Соболев, несомненно, имел в виду позднее вернуться к рассмотрению книги Зейдлица в какой-нибудь другой работе. Об этом неосуществленном намерении (С. Л. Соболев умер в 1960 г.) свидетельствуют его многочисленные карандашные заметки на полях экземпляра, принадлежащего библиотеке Института истории естествознания и техники АН СССР.

Тартуский (Дерптский) университет в 70-х годах XIX в.
(ЦИИАР ЭССР, ф. 1843, оп. 1, ед. хран 220. В оригинале под фотографией подпись: *Alma mater dorpatensis*)

Ни в одном из русских университетов, кроме Дерптского, в те годы, как, впрочем, и много позднее, систематический курс дарвинизма не читался. Лишь некоторые профессора упоминали об учении Дарвина во вводных лекциях по зоологии (С. А. Усов, А. П. Богданов, К. Э. Линдеман) или сравнительной анатомии (Я. А. Борзенков)¹. Об отношении, например, А. П. Богданова к дарвинизму можно судить по сохранившемуся конспекту вводной лекции к курсу зоологии в Московском университете, прочитанному им в 1874 г., и по опубликованным в «Медицинской газете» (№ 36 и 44, 1877 г.) вступительным лекциям к курсам зоологии 1876 и 1877 гг. Следует заметить, что А. П. Богданов, воспринявший эволюционные взгляды своего учителя К. Ф. Рулье, излагал их весьма осторожно, подчас не упоминая имени Дарвина, и даже в частном письме к историку М. П. Погодину, защищая Дарвина от нападок последнего, говорил, что учение Дарвина не имеет ничего общего с материализмом и не представляет опасности для религии.

¹ См. Б. Е. Райков. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. т. IV. М.—Л., 1959, стр. 139—140, 189—193, 290 и след.

Позиция Г. Зейдлица была совершенно иной. Он без колебаний пропагандировал теорию Дарвина со всеми вытекающими из нее идеологическими следствиями. Соответственно и жизненные судьбы Богданова и Зейдлица складывались далеко не одинаково. Богданов был преуспевающим профессором столичного университета и прекрасно ладил с начальством, а Зейдлиц был этим начальством изгнан из Дерптского университета.

Еще одним многозначительным эпизодом в борьбе за дарвинизм было появление большого полемического произведения Зейдлица «Бэр и теория Дарвина»¹, вышедшего в том же году, что и сочинение К. Бэра «Об учении Дарвина», против которого выступил Зейдлиц. Эта полемика Зейдлица с Бэром почти не получила отражения в литературе, в частности не упомянута в обширной биографии Бэра, написанной Б. Е. Райковым².

Следует заметить также, что на сочинения Г. Зейдлица в защиту дарвинизма и на его лекционный курс нигде не ссылался К. А. Тимирязев, вообще внимательно следивший за перипетиями борьбы за дарвинизм и принимавший в ней активное участие. Это тем более странно, что сам Дарвин знал о книге Зейдлица и цитировал ее, правда, по очень специальному поводу³.

Исходя из всего сказанного целесообразно напомнить о научно-педагогической деятельности Георга Зейдлица.

Отец Г. Зейдлица, Карл Карлович (Карл Иоганн) Зейдлиц, родившийся 6 марта 1798 г. в Ревеле (Таллин) и умерший 7 февраля 1885 г. в Дерпте (Тарту), был родом из немецких прибалтийских дворян⁴. Карл Зейдлиц в 1820 г. окончил медицинский факультет Дерптского университета и вскоре защитил докторскую диссертацию «О глазных болезнях, преимущественно встречающихся у эстонцев»⁵. Два года спустя он участвовал в борьбе с холерной эпидемией в Астрахани, а затем служил врачом в армии во время войны с Турцией. О своих впечатлениях, почерпнутых на театре военных действий, он полвека спустя написал небольшую книгу⁶. После пребывания с 1830 до 1836 г. в должно-

¹ G. Seidlitz. Beiträge zur Descendenz-Theorie. 2. Baer und die Darwin'sche Theorie. Leipzig, 1876, S. 37—172.

² Б. Е. Райков. Карл Бэр. Его жизнь и труды. М.—Л., 1961. 522 стр.

³ «У северного оленя,— писал Дарвин,— рога не составляют полового признака» (Ч. Дарвин. Происхождение человека и половой отбор.— Сочинения, т. 5, 1953, стр. 561). К этому месту дана сноска: «Таково заключение Зейдлица: Seidlitz. Die Darwin'sche Theorie, 1871, S. 47».

⁴ К. Зейдлиц писал свою фамилию с приставкой «фон», а его сын в большинстве своих работ, в том числе в магистерской и докторской диссертациях, ее опускал.

⁵ C. J. v. Seidlitz. Dissertatio inauguralis medica de praecipuis oculorum morbis in Esthonas obviis. Dorpat Liv., 1821, 71 p.

⁶ Воспоминания доктора Зейдлица о Турецком походе 1829 г. М., 1878. 90 стр.

сти главного врача морского госпиталя в Петербурге К. Зейдлиц с 1836 по 1846 г. руководил там же в Петербурге терапевтической клиникой Медико-хирургической академии. В звании заслуженного профессора он вышел в отставку и поселился в Дерпте, интересуясь помимо медицины также общебиологическими вопросами и русской художественной литературой, преимущественно творчеством В. А. Жуковского, с которым К. Зейдлиц был в тесной дружбе около 40 лет, сделался его душеприказчиком и написал о нем несколько критико-биографических работ на русском и немецком языках¹.

К. Зейдлиц был дружен также с К. М. Бэрм.

Для того чтобы понять то влияние, которое К. К. Зейдлиц оказал на интересы и научные взгляды сына, важно упомянуть о брошюре К. Зейдлица «О передаче потомству форм, свойств и способностей в связи с вопросами физиологии и врачебного искусства». В этой брошюре К. Зейдлиц проводил отчетливое различие между эволюционными взглядами Ламарка и Жоффруа Сент-Илера, с одной стороны, и Дарвина, с другой: «В то время как Ламарк считал, что превращения (живых существ — Л. Б.) происходят от внутренних причин, а Жоффруа, наоборот, от внешних, Дарвин, принимая и то и другое, ввел еще одно обстоятельство, именно — пользу, которую извлекают новые жизненные формы в борьбе за существование»². С теорией Ч. Дарвина К. Зейдлиц познакомился по «Происхождению видов» в немецком переводе Бронна (1862) (впрочем, он ссылаясь и на английское издание этого труда, и на перевод) и по книге Ф. Ролле³. Небольшое сочинение К. Зейдлица содержит перечень наследственных особенностей человека, расклассифицированных по системам органов, в которых обнаруживаются наследственные изменения; далее автор упоминает о наследовании психических особенностей — нормальных и патологических.

К. К. Зейдлиц с пристальным вниманием следил за всеми выходящими в свет трудами Ч. Дарвина и немедленно оповещал о них публику русской Прибалтики, читающую немецкие журналы. Так, в годы выхода книг «Изменение домашних животных и

¹ Например: К. Зейдлиц. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского по неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883, XIII+256 стр.

Биографические сведения о К. К. Зейдлице почерпнуты из Энциклопедического словаря Брокгауза — Ефрона (т. XII, 1894, стр. 380), из цитированной книги Б. Е. Райкова и из архивных документов (Центрального государственного исторического архива Эстонской ССР, в дальнейшем — ЦГИАР ЭССР).

² C. v. Seidlitz Über die Vererbung der Lebensformen, Eigenschaften und Fähigkeiten organischer Wesen auf ihre Nachkommen in Bezug auf Physiologie und praktische Heilkunst. St. Petersburg., 1865, 72 S. Цит. место на стр. 12, 13.

³ F. Rolle. Ch. Darwins Lehre von der Entstehung der Arten im Pflanzen- und Thierreich in ihrer Anwendung auf die Schöpfungsgeschichte dargestellt und erläutert. Frankfurt a. M., 1863, 274 S.

культурных растений» и «Происхождение человека и половой отбор» появились в печати и посвященные им статьи К. К. Зейдлица.

В начале статьи о первом из этих сочинений¹ Зейдлиц напомнил читателям, что «...когда за несколько лет перед тем Ч. Дарвин опубликовал в книге «Происхождение видов» гипотезу постепенного развития организмов, все сословие естествоиспытателей и учителей закона божия, которое было вскормлено молоком древнееврейской теории творения, пришло в крайнее беспокойство. Консервативные ученые («т. е., следовательно, неученые», как пояснил там же сам Зейдлиц — Л. Б.), расписывая чудовищные, с их точки зрения, следствия этой гипотезы, настойчиво пытались напугать ими, как будто только одно обсуждение идей Дарвина может лишить человеческого облика прямых потомков обезьяны. Однако в дальнейшем «идея непрерывного развития находила все большее признание, ее следствия комментировались значительно спокойнее и ее сторонников начали терпеть в старом благопристойном ученом обществе. Дарвинизм сделался *fait accompli* (совершившимся фактом — Л. Б.)»².

Далее Зейдлиц перешел к достаточно подробному изложению содержания книги Дарвина.

Вторая статья К. К. Зейдлица, касающаяся труда Дарвина о происхождении человека, подобно первой, содержит наряду с квалифицированным изложением взглядов Дарвина и весьма ядовитые суждения по адресу его противников. Хотя Дарвин, по словам Зейдлица, мог испытывать удовлетворение от обилия доставляемых другими натуралистами фактов, подтверждавших его эволюционные представления, тем не менее «в противниках, достаточно глупых, злобных и исполненных зависти, также не было недостатка. Впрочем, миновало время, когда дарвинистам приходилось заниматься защитой от таких противников. Дарвин может непоколебимо продолжать свой путь, как слон в басне нашего Крылова «Слон и моська». Моська, которая непрерывно лает на спокойно шагающего слона, сама сообщает истинный мотив своего вызывающего поведения:

«Wie sollt'ich nicht!
Da Alles spricht:
Ei! Möpschen ist ein großer Mann,
Bellt er doch Elephanten an!»³.

¹ Das Variiren der Thiere und Pflanzen im Zustande der Domestication, von Charles Darwin. Aus den Engl. übers. v. J. V. Carus, 2 B-de, Stuttgart, 1868. Besprochen von Dr. Seidlitz-Meyerhof. Balt. Wochenschr., 6 Jg., 1868, № 45—46, S. 667—683; № 47, S. 691—696; № 48—49, S. 703—717.

² Цит. статья, стр. 667, 668.

³ Die Abstammung des Menschen und die geschlechtliche Zuchtwahl, von Charles Darwin. Aus dem Engl. übers. v. Dr. Victor Carus, 2 Bd. Stuttgart, 1871.

Так переведены у Зейдлица заключительные слова крыловской басни:

«Пускай же говорят собаки:
Ай, моська! Знать она сильна,
Что лает на слона!»

Однако следует отметить, что подобная оценка отношения к дарвинизму в начале 70-х годов, если она только не служила полемическим приемом, для того чтобы выставить его противников в глупом и смешном виде, страдала излишним оптимизмом. Борьбу за дарвинизм пришлось вести еще долго, в чем К. К. Зейдлиц мог убедиться, в частности, на примере деятельности своего сына.

Излагая содержание труда Дарвина о происхождении человека, Зейдлиц отметил, что содержащиеся там факты и соображения «подтвердили основную мысль Дарвина: виды являются измененными потомками других видов. Дарвин ставил целью выяснить, в какой мере общие заключения, к которым он пришел в своих прежних работах, применимы к человеку, и происходит ли человек, как и всякий другой вид, от какой-либо ранее существовавшей формы». Особенно существенной задачей, к решению которой подошел Дарвин, К. К. Зейдлиц считал доказательство естественного происхождения психической деятельности человека. Он сопоставил мысли Дарвина о том, что «душевные и духовные свойства обнаруживаются как у животных, так и у человека, разумеется, у последнего в несравненно более высокой степени»¹, с традиционными для того времени представлениями. Последние утверждали, что только человек способен к постепенному усовершенствованию своих интеллектуальных задатков, что только он, научившийся пользоваться орудиями и огнем и приручивший других животных, может различать «мое» и «твое», обладает чувством благодарности, красоты, справедливости или несправедливости, даром речи, совестью и т. д. «Относительно всего этого,— продолжал Зейдлиц,— Дарвин приводит примеры из наблюдений над животными, показывающие, что корни этих человеческих добродетелей простираются до низших форм живых существ». Подобные выводы «...возмущали многих ученых мужей. Если обратиться к их рассуждениям о Дарвине, направлен-

---

Besprochen von Dr. Seidlitz-Meyerhof. Balt. Wochenschr., 9. Jg., № 48, S. 670—675; № 49, S. 685—692; № 50, S. 702—707; № 51, S. 720—728. Цит. место на стр. 671.

Принадлежность обеих статей, подписанных только фамилией без инициалов, именно К. Зейдлицу не вызывает сомнений. Она подтверждена упоминанием о принадлежащем ему имени Мейергоф и засвидетельствована его сыном, поместившим ссылки на эти рецензии в списке литературы на стр. 269 и 304 своей книги о теории Ч. Дарвина.

¹ Цит. статья, стр. 672.

ным против него и его единомышленников, то прежде всего поражают выдвинутые на первый план риторические и диалектические фокусы. При повторной встрече с такими ораторскими излияниями Икса, Игрека, Цета против Дарвина в них обнаруживается единый шаблон: оглушающий треск фраз, искажения дарвиновских идей и слов, облеченные в форму неудачных остроум, завуалированные ложные выводы,— причем все это звучит одинаково, например, у капеллана Карла Шейдемахера («Вред материализма», Кельн, 1868) или у профессора Юргена Мейера («Современные философские вопросы», Бонн, 1870)»¹. Зейдлиц «обращал внимание противников Дарвина, которые при чтении третьей главы² стали бы вопить: «Побить его камнями!», что Дарвин сам выразительно протестовал против всякого расширительного толкования его взглядов... Его целью как естествоиспытателя было показать, что начальное происхождение морального чувства лежит в общественных инстинктах и что эти инстинкты, несомненно, как и у низших животных, первоначально были приобретены посредством естественного отбора»³.

Статьи К. К. Зейдлица в распространенном прибалтийском периодическом издании⁴ сыграли, без сомнения, важную общественную роль, поскольку они способствовали популяризации прогрессивных научных взглядов, противопоставляя их традиционным представлениям, основанным на религиозной догматике.

Вполне естественно, что Г. Зейдлиц, воспринявший живой интерес к учению Дарвина и правильное понимание этого учения прежде всего от отца, счел долгом посвятить ему первое издание своей книги «Теория Дарвина»: «Своему отцу, заслуженному профессору К. К. Зейдлицу с поздравлением с 50-летним докторским юбилеем в 1871 г. с любовью и благодарностью от автора».

Биографические данные, касающиеся Г. Зейдлица, содержатся в архивных материалах, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР (Тарту). На этих же материалах построена краткая биографическая статья профессора Ю. Кеннеля, помещенная в юбилейном издании Тартуского университета⁵.

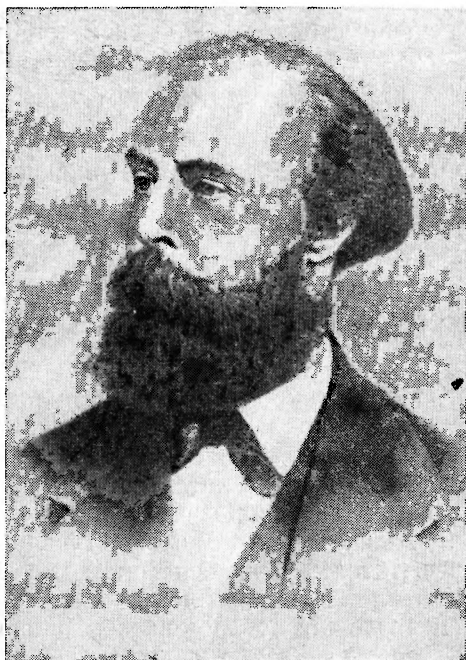
¹ Цит. статья, стр. 686, 687.

² Глава в книге Дарвина называется «Сравнение умственных способностей человека и низших животных».

³ Цит. статья, стр. 692.

⁴ Полное название журнала в переводе таково: «Балтийский еженедельник сельского хозяйства, промышленности и торговли, издаваемый в Дерпте Лифляндским общепольным и экономическим обществом и Лифляндским союзом поощрения сельского хозяйства и промышленности».

⁵ Г. В. Левинский (ред.). Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Юрьевского, б. Дерптского, университета за сто лет его существования (1802—1902). Юрьев, 1902, стр. 278—279.

Георг Зейдлиц

(ЦГИАР ЭССР, ф. 1843, оп. 1,
ед. хран. 220; фотография
датирована 1873 г.)

Георг Карл Мария Зейдлиц родился в Петербурге 7 июня 1840 г., в бытность его отца профессором Медико-хирургической академии, от второго брака с Юстиной Шарлоттой, урожденной фон Раух. Георг Зейдлиц окончил гимназию в Дерпте и поступил там в 1858 г. на медицинский факультет, а затем в 1861 г. перешел на физико-математический факультет, который в 1862 г. закончил со степенью кандидата зоологии. Из аттестата, подписанного 15 сентября 1862 г. ректором Биддером, следует, что «б. студент, по предмету зоологии, уроженец С.-Петербурга, из дворян, Георгий фон Зейдлиц, окончив полный курс учения с 1858 по 1862 год, подвергался окончательному испытанию в физико-математическом факультете и выдержал оное с весьма хорошим успехом»¹.

Кандидатское сочинение Г. Зейдлица озаглавлено «Критическая ревизия птиц Балтийских провинций России»². Материал для этой работы был собран в студенческие годы, когда Г. Зейдлиц занимался обработкой коллекций позвоночных, находив-

¹ ЦГИАР ЭССР, ф. 402, оп. 3, ед. хран. 654, л. 13.

² Kritische Revision der Vögel der Ostseeprovinzen Russlands (рукопись, 79 стр.).— ЦГИАР ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед. хран. 23011.

шихся в распоряжении местного общества естествоиспытателей, и впервые опубликовал свою работу — перечень животных, входящих в состав этих коллекций¹. В дальнейшем зоологические интересы Г. Зейдлица касались преимущественно жуков, изучением которых он занимался во время экскурсий в Прибалтике и путешествий по Трансильвании, Италии, Сицилии, южной Франции и Испании. Вернувшись из этих путешествий, Г. Зейдлиц сдал магистерские экзамены и в 1866 г. защитил диссертацию, посвященную описанию долгоносиков из рода *Peritelus*². По приложенным к диссертации тезисам можно судить о повороте интересов молодого зоолога к проблемам эволюции. Об этом же свидетельствуют избранные им темы сочинений, представленных при сдаче экзаменов на степень магистра, — одно «изложение теории Дарвина в связи с соответствующими взглядами его предшественников»³, а другое «Различные способы передвижения у млекопитающих и связанные с этим изменения формы конечностей»⁴.

Пробуждение интереса Зейдлица к эволюционным вопросам, несомненно, началось значительно раньше и не без влияния доклада Э. Геккеля на Штеттинском съезде немецких естествоиспытателей и врачей⁵, на котором присутствовал Г. Зейдлиц. Пять лет спустя в письме к Э. Геккелю⁶ Зейдлиц вспоминал о впечатлении, которое на него произвел этот доклад, и «воспользовался случаем, чтобы выразить благодарность за защиту дарвиновской теории». «Мы придерживаемся, — писал Зейдлиц, — единого мнения, что она может укрепиться среди естествоиспытателей только как теория естественного отбора»⁷.

¹ G. Seidlitz. Verzeichniss der Säugethiere, Vögel, Reptilien und Amphibien der Ostseeprovinzen mit Bezugnahme auf die Sammlung der Naturforscher-Gesellschaft zu Dorpat. Sitz.-ber. Naturf. Gesell. Dorpat, 1861, S. 367—424.

² G. Seidlitz. Monographie der Curculioniden-Gattung *Peritelus* Germ. Dorpat, 1866, 82 S.

³ Darstellung der Theorie Darwin's, mit Berücksichtigung der entsprechenden Ansichten seiner Vorgänger (рукопись, 11 стр.).—ЦГИАР ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед. хран. 23012.

⁴ Die verschiedenen Arten der Bewegung bei der Säugethiere und die damit in Verbindung stehenden Formveränderungen der Extremitäten (рукопись, 8 стр.; см. сноску 5).

⁵ E. Haeckel. Über die Entwicklungstheorie Darwins. Vortr. auf der. Vers. Deutsch. Natuf. u. Ärzte in Stettin am 1. Aug., 1863. Amtlicher Bericht. Stettin, 1864.

⁶ Директор мемориального музея Геккеля в Йене (Ernst-Haeckel-Haus) профессор Г. Ушман сообщил в письме автору настоящей статьи, что в музее хранятся оригиналы семи писем Г. Зейдлица к Геккелю, и любезно прислал расшифрованные тексты этих писем с разрешением цитировать их, за что автор выражает профессору Ушману глубокую благодарность. В дальнейшем выдержки из упомянутых писем будут обозначаться «Письма Г. Зейдлица к Э. Геккелю» с указанием даты и страниц оригинала (в квадратных скобках).

⁷ Письма Г. Зейдлица к Э. Геккелю из Дрездена 26 марта 1868 г. [стр. 1].

Carl Vogt's Affenmenschen

und

Dr. Albert Schumann's Broschüre

über dieselben

mit einander verglichen

nebst einem Anhang über Dr. Gleisbergs „Kritische Herlegung etc.“

von

Georg Seidlitz.

DRESDEN.

Druck von B. G. Teubner

1868.

ИНСТИТУТ
АНАТОМИИ
ЮРЬЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Титульный лист брошюры Г. Зейдлица «Обезьянолюди Карла Фогта и т. д.»
Экземпляр из личной библиотеки Карла Бэра; на наклейке: «E Caroli Ernesti a Baer the-
saurο librorum de historia evolutionis scriptorum» (Из собрания книг Карла Эрнста Фоя
Бэра об истории писавших [по вопросам] эволюции) (Библиотека кафедры гистологии
Тартуского университета)

В том же письме Зейдлиц сообщил Геккелю о посылке ему своей магистерской диссертации с приложением «11 тезисов, которые в свое время привели в бешенство староверческой Дерпт»¹.

Из этих тезисов первые два относятся к утверждению родаства человека и обезьян:

«1. Задняя конечность обезьян является ногой». Тем самым Зейдлиц возражал против обособления людей (двуруких) от обезьян (четвероруких).

«2. Род *Homo* вместе с родом *Pithecus* Geoffr. относится к одному семейству».

Существенны также тезисы 9-й — «Конечной целью биологической науки является естественная система» — и 11-й — «Наследственность и изменчивость представляют основные законы органических существ», свидетельствующие об отчетливом понимании значения идеи эволюции для биологии.

Интерес к проблемам антропогенеза, решение которых связано с исследованиями в области сравнительной анатомии, побудил Зейдлица заняться ею. Для этого он в 1867—1868 гг. работает в Дрездене, где печатает полемическую брошюру о предполагаемых предках человека².

Сообщая Геккелю о посылке ему своей брошюры «о Фогтовских обезьянолюдях», Зейдлиц выразил озабоченность относительно возможной путаницы от неосмотрительного употребления терминов: «Фогт применил немецкое слово *Affenmenschen* для обозначения микроцефалов. Это было бы все равно, если бы у профанов (*Laien*) с легкостью не возникла мысль, что обезьянолюди Геккеля (питекантропы) идентичны обезьянолюдям Фогта (микроцефалам). И действительно, мнение, будто Фогт рассматривает микроцефалов как общих предков людей и обезьян, широко распространилось не только среди профанов, но и среди авторитетов антропологии... В то же время Фогт никогда не выдал их (микроцефалов — Л. Б.) ни за что иное, как за патологическое явление, которое может быть *объяснено* атавизмом; совершенно так же Дарвин относил к атавистическим явлениям наличие шестого пальца, однако отнюдь не утверждая, что нашими предками были 6-палые люди»³.

В Дрездене Г. Зейдлиц закончил также работу над докторской диссертацией, посвященной дальнейшему изучению морфо-

¹ Цит. письмо [стр. 2].

² G. Seidlitz. Carl Vogt's Affenmenschen und Dr. Albert Schumann's Brochüre über dieselben mit einander verglichen, nebst einem Anhang über Dr. Gleisberg's «Kritische Darlegungen etc.» Dresden, 1868, 22 S.

³ Письма Г. Зейдлица к Э. Геккелю из Лейпцига, 4 октября 1868 г. Здесь и во всех последующих выдержках из писем курсивом выделены слова, подчеркнутые Зейдлицем.

логии и систематики жуков, главным образом долгоносиков. Диссертация была защищена в Дерпте в 1868 г.¹

Помимо специально зоологического значения эта диссертация интересна решительной защитой учения Дарвина, которое Зейдлиц использовал при построении естественной системы изучавшегося семейства жуков. Говоря во «Введении» о естественной системе, Зейдлиц в сноске замечает, что он охотнее говорил бы о «естественном филогенетическом древе», если бы это выражение уже вошло во всеобщее употребление, что, как он считал, «несомненно произойдет, когда теория эволюции получит всеобщее признание и когда «Происхождение видов» Дарвина, «Зоологические письма» Йегера² и, особенно, «Всеобщая морфология» Геккеля получат ту оценку, которую эти труды заслуживают». Зейдлиц был огорчен тем, что сочинение Геккеля «в силу его чрезмерно большого объема, небрежного изложения и часто слишком острого языка приобрело больше врагов, чем друзей, хотя оно содержит столь много новых точек зрения и так ясно и логично излагает по-новому известные ранее факты, что может быть отнесено к важнейшим событиям научной литературы, так что его следует настойчиво рекомендовать мыслящим зоологам». Упомянув об изменениях формы органов в связи с изменением их функции, Зейдлиц в сноске еще раз заявил о своих эволюционных взглядах: «Теория эволюции как единственно возможное объяснение всех явлений сродства и различия живых форм здесь, естественно, признается твердо установленной»³.

Занятия энтомологией, начатые еще в студенческую пору, а в дальнейшем отчасти и ихтиологией, Зейдлиц продолжал долгие годы. К периоду, заканчивающемуся в 1877 г. его отъездом

---

¹ G. Seidlitz. Die Otiorhynchiden s. str. nach den morphologischen Verwandtschaftsverhältnissen ihres Hautscelet's vergleichend dargestellt. Berlin, 1868, 155S.

² Зейдлиц имел в виду книгу: Gustav Jäger. Zoologische Briefe — I Lief.: Briefe I—IV, Wien, 1864, VIII+104 S. Позднее вышло продолжение — II Lief.: Briefe V—IX, Wien, 1870, S. 105—210. Наконец, еще через шесть лет I и II выпуски были переизданы с добавлением — III Lief.: Briefe X—XVIII, Wien, 1876, S. 211—473.

В первых четырех письмах, которые были известны Зейдлицу во время работы над диссертацией, Йегер критиковал кювьеристскую теорию повторных творений, утверждал, что живые существа возникли некогда на Земле из неживой материи и с тех пор претерпевали эволюционные изменения, чему имеются палеонтологические доказательства. В последующих письмах шла речь об эволюции организации животных, в частности об эволюции тканей, о значении биогенетического закона и о других вопросах эволюционной теории. В заключении, написанном в 1876 г., Йегер, вспоминая обстоятельства публикации I выпуска, за 12 лет до того, заметил, что тогда «главной задачей прогрессивного естествоиспытателя было прийти на помощь резко оспаривавшемуся учению Дарвина» (стр. 460).

³ G. Seidlitz. Die Otiorhynchiden..., S. II—11.

из России, относится серия фаунистических публикаций¹. Сборами Зейдлица пользовались и другие энтомологи, например Г. Лёв². Зейдлиц видел в своих энтомологических исследованиях не только материал для описательной систематики и фаунистики. Так, посылая Геккелю описание жуков (в серии «Балтийская фауна»), Зейдлиц делится мыслями о воспитательном значении генеалогической систематики, самостоятельного коллекционирования и определения собранных материалов. Зейдлиц поставил два метода обучения естествознанию: «Теперь в школе и дома часто дают мальчику дешёвый микроскоп, а к нему несколько препаратов диатомей, волос, чешуй, вшей и блох, а кроме того, книгу по «естественной истории», в которой он может прочесть кое-какие анекдоты о животных, и при этом думают, что дали ему «руководство» к естествознанию и пробудили к нему интерес. Если же, наоборот, предложить практическое руководство, с помощью которого можно научиться собирать в природе и исследовать те или иные объекты, с тем чтобы делать логические выводы о сродстве этих объектов, т. е. определять (познавать!) и систематически их располагать, то этим вырабатывается тройное умение: наблюдать, исследовать и логически мыслить»³. О прилагаемой к письму монографии, посвященной жукам Прибалтики, Зейдлиц заметил: «Она доставила мне много труда и мучений (установление мельчайших различий примерно у 3700 видов), но и много сознательного наслаждения, именно радость дистиллировать из их изучения морфолого-логический экстракт и выразить его словами „в узком одеянии систематики“... Я уверен, что систематику можно было бы называть „логикой морфологии“»⁴.

¹ G. Seidlitz. Beitrag zur Käferfauna Siebenbürgens. Verh. u. Mitt. 1. Siebenbürg. Ver. f. Naturwiss. Hermanstadt, XVIII. Jg., 1867, S. 43—46; он же. Einige entomologische Excursionen in den castilischen Gebirgen im Sommer 1865.—Berl. entomol. Zts., 11. Jg., 1867, S. 167—193; он же. Revision der europäischen Arten der Gattung Strophosomus Sch.—Ibid., S. 379—387; G. Seidlitz, G. Kraatz. Über Bombidium biguttatum und inoptatum Schaum.—Ibid., 18. Jg., 1874, S. 131—133; G. Seidlitz. Fauna Baltica. Die Käfer (Coleoptera) der deutschen Ostseeprovinzen Russlands.—Arch. f. d. Naturk. Liv.-Esth.—u. Kurlands, 2. Ser., V Bd., 1875, XLII+560 S.; он же. Fauna Baltica. Die Fische (Pisces) der Ostseeprovinzen Russlands.—Arch. d. Dorpater Naturf.-Ges., Leipzig, 1877, 138 S. За работы, объединенные заглавием «Балтийская фауна», Г. Зейдлиц получил в 1878 г. премию из фонда Р. Хеймбюргера при Дерптском университете, из которого ранее (в 1872 г.) ему была выдана стипендия на научную поездку. Об этом упомянуто в публикации его отца К. Зейдлица, бывшего распорядителем фонда (C. J. Seidlitz. Zur Jubelfeier des zehnjährigen Bestehens der Robert Heimbürger Stiftung an der kais. Universität zu Dorpat. Zehnjähriger Bericht des Administrators der Stiftung. Dorpat, 1879).

² H. Loew. Über von Herrn Dr. G. Seidlitz in Spanien gesammelte Dipteren.—Berl. entomol. Zts., 14. Jg., 1870, S. 137—144.

³ Письма Г. Зейдлица к Э. Геккелю. Письмо без места и даты (см. сноску 1 на стр. 41) [стр. 2—3].

⁴ Там же [стр. 4—5].

Зейдлиц высказал и свое отношение к распространившемуся среди зоологов обыкновению издавать целые книги рисунков с гистологических препаратов, как это сделал, в частности, А. Гетте, выпустивший обширное сочинение, которое Зейдлиц насмешливо называл «Жерляночной книгой» («Unkenbuch») ¹. В этой книге Зейдлиц не нашел, несмотря на то, что в ее заглавии упомянута сравнительная морфология, интересующих его эволюционных выводов, и свое не очень лестное мнение о ней высказал «в кругу многих, собравшихся за пивом зоологов», приехавших на Лейпцигский съезд естествоиспытателей. «На меня напали как на еретика, — пишет Зейдлиц Геккелю, — и некоторые прямо заявили, что высшая задача зоологии состоит в том, чтобы размножать фотографическим путем последовательные гистологические срезы... Шнейдер из Гиссена пошел еще дальше и объявил, что на разграничение аналогии и гомологии ему совершенно наплевать („sei ihm ganz schnipre“)» ². Иными словами, Шнейдер считал бесполезными всякие филогенетические обобщения. Зейдлиц решительно осуждал такое равнодушие зоологов к вопросам эволюции и не без основания рассчитывал на сочувствие Геккеля.

После защиты докторской диссертации Зейдлиц нашел место для преподавательской и научной работы. Зная консервативные настроения дерптской профессуры, он попытался в 1868 г. получить должность доцента в Лейпциге, но потерпел неудачу. В письме к Геккелю Зейдлиц сообщил, что дело с его утверждением в Лейпцигском университете продвигается медленно. Текст конкурсного сочинения, посвященного эволюционному обоснованию существующего разнообразия в окраске и строении скорлупы птичьих яиц ³, которое было представлено им в августе 1868 г., начали рассылать для обсуждения только в начале октября. «Очень жаль, — писал Зейдлиц, — если я не смогу начать курс до Рождества; я подготовил 2 трехчасовые лекции — одну о морфологии (общей) насекомых и другую по теории эволюции» ⁴. В следующем письме Зейдлиц сообщил, что его конкурсное сочинение одобрил В. Карус, «не являющийся членом факультета, но единственный знаток предмета, однако факультет, в котором нет ни единого понимающего дело, не присоединился к мнению Каруса под влиянием декана Хаккеля, поскольку последний считает двигающими науку только чисто эмпирические исследования. Так что в начале декабря я получил (конкурсное сочинение — Л. Б.) обратно» ⁵.

¹ A. Goette. Entwicklungsgeschichte der Unke (*Bombinator igneus*). Grundlage einer vergleichenden Morphologie der Wirbeltiere. Leipzig, 1875, 964 S.

² Цит. письмо [стр. 6—8].

³ См. сноску 3 на стр. 20.

⁴ Письмо от 4 октября 1868 г. [стр. 4].

⁵ Письмо от 15 декабря 1868 г. [стр. 3].

Более успешной оказалась поначалу попытка закрепиться в Дерптском университете. В 1869 г. Зейдлица утвердили там в звании приват-доцента на кафедре зоологии профессора Г. Флора (1829—1883). Ю. Кенель писал, что Флор был узким систематиком, знавшим притом лишь ограниченный раздел энтомологии; «сильно же развивавшимися в его время областями — сравнительной анатомией, эмбриологией и основанной Дарвином теорией происхождения видов со всеми ее последствиями он вовсе не занимался. Таким образом, время его деятельности составляло период застоя в здешнем университете в области зоологических исследований»¹. Естественно, что лекции Зейдлица, а особенно читавшийся им специальный курс, посвященный теории Дарвина, представляли разительный контраст с сухой систематикой, излагавшейся Флором.

О широте эрудиции Зейдлица свидетельствует разнообразие направлений его педагогической деятельности. В начале 1871 г. декан физико-математического факультета профессор К. Гревингк сообщал Совету университета, что «приват-доцент Д-р Георг ф. Зейдлиц читал в I семестре 1870 г. лекции по зоологии для медиков и фармацевтов и по теории Дарвина, а во II семестре читал лекции о внутренностных червях и вел зоологический практикум и за эту деятельность заслуживает благодарность факультета»².

В период работы в Дерптском университете Г. Зейдлиц опубликовал наряду с зоологическими работами несколько статей по общебиологическим вопросам: «Законы образования птичьих яиц, с гистологической и генетической точки зрения, и закон трансмутации организмов», «Партеногенез и его отношение к прочим видам размножения в животном царстве», «О мимикрии и миметических насекомых нашей фауны», «Бессознательное с точки зрения физиологии и эволюционной теории»³. Во время

¹ Биографический словарь (см. сноску 5 на стр. 12). В письме к Геккелю из Дерпта 6 мая 1873 г. [стр. 1—2] Зейдлиц, поблагодарив за присылку выдержек из монографии «Известковые губки», охарактеризовал своего шефа Г. Флора, а заодно и свое собственное положение в Дерптском университете следующими словами: «Я хочу попытаться побудить здешнюю университетскую библиотеку приобрести все это великолепное сочинение; однако я, как приват-доцент, не имею права требовать, а с Флором в этом смысле мало что можно сделать: его вообще невозможно увидеть, если не подкараулить прямо в кондитерской».

² ЦГИАР ЭССР, ф. 402, оп. 3, ед. хран. 654, л. 19.

³ G. Seidlitz. Die Bildungsgesetze der Vogeier in histologischer und genetischer Beziehung und das Transmutationsgesetz der Organismen. Leipzig, 1869, IV+58 S.; он же. Die Parthenogenesis und ihr Verhältniss zu den übrigen Zeugungsarten im Thierreich. Leipzig, 1872, 31 S.; он же. Über Mimicry und mimetische Insecten unserer Fauna (Vortrag gen. 21, Jan. 1871).— Sitz.-ber. Naturforsch. Ges. Dorpat, 1874, 3 Bd., S. 207—219; он же. Die Unbewusste vom Standpunkt der Physiologie und Descendenztheorie. Augsb. Allg. Zeit., 1873.

работы над вторым изданием книги «Теория Дарвина» Зейдлиц напечатал несколько дискуссионных статей в защиту дарвинизма; текст части этих статей почти без изменения вошел в качестве дополнений в это издание¹. Несколько позднее было написано полемическое сочинение против Бэра, объединенное со статьей «Хроматическая функция как естественное средство защиты»², и опубликована аннотированная библиография по дарвинизму³.

Из этих выступлений Зейдлица, вероятно, наибольший интерес представляет брошюра, касающаяся строения и окраски скорлупы птичьих яиц. Зейдлиц сам придавал ей особое значение, и не случайно именно это сочинение он представил Совету Лейпцигского университета в качестве конкурсного для получения доцентуры. В этой работе Зейдлиц сопоставил две точки зрения на движущие силы эволюции — ламаркистскую, согласно которой эволюция шла путем прямого приспособления (к которой, в частности, склонялся Геккель), и дарвинистскую, которая в эволюции видела следствие борьбы за существование и естественного отбора. По мнению Зейдлица, «прямое приспособление», т. е. унаследование приобретенных изменений, имеет для эволюции гораздо меньшее значение, чем «врожденное несходство». Только исходя из последнего «можно объяснить «борьбу за существование» (против себе подобных)». Отказ от признания значения «врожденной неодинаковости или одинаковости возвращает эволюционную теорию назад к неприемлемой точке зрения Ламарка». «Против воззрений Геккеля, — продолжал Зейдлиц, — говорят все те случаи, по отношению к которым не может быть речи о прямом индивидуальном приспособлении» и которые объясняются тем, что «врожденные уклонения приводят посредством естественного отбора к постепенному возникновению великолепных приспособлений». Примером подобного рода, как показал Зейдлиц, может служить и эволюция особенностей

---

¹ G. Seidlitz. Die Darwin'sche Theorie.— Balt. Monatschr., 20 Bd., N. F., 11 Bd., 1871, S. 245—260, 299—316; он же Sidney Herbert Laings «Widerlegter Darwinismus».— Ibid., 21 Bd., N. F., III Bd., 1872, S. 217—220 (без подписи: принадлежность статьи Г. Зейдлицу засвидетельствована им самим во втором изд. Die Darwin'sche Theorie, S. 289); он же Noch einmal die Broschüre eines Ungenannten «Die Auslösung der Arten durch natürliche Zuchtwahl». Ausland (Stuttgart), 46. Jg., № 6, 1873, S. 101—105; он же Darwin's Selections und Wagner's Migrationstheorie. Ibid., № 14, S. 261—267, № 15, S. 286—290, 1874; он же Die Erfolge des Darwinismus. Ibid., № 36, S. 709—714, № 37, S. 727—732, № 38, S. 748—752, 1874; он же Über die Darwin'sche Theorie. 4 u. 5. Jahresber. d. geogr. Ges. München, 1875. Позднее Зейдлиц не раз возвращался к обсуждению миграционной теории М. Вagnera, в частности в статье «Die naturwissenschaftlichen Streitfragen» Moritz Wagner's. Kosmos, 11. Jg., 1878, S. 324—329.

² G. Seidlitz. Beiträge zur Descendenztheorie. Leipzig, 1876, 176 S.
³ См. сноску 2 на стр. 55.

птичьих яиц. Основываясь на данных, приведенных Дарвином в книге «Изменения домашних животных и культурных растений», Зейдлиц пришел к выводу, что приобретенные в индивидуальной жизни изменения «наследуются чрезвычайно редко, тогда как врожденные уклонения... имеют большую тенденцию к унаследованию»¹.

В заключении брошюры Зейдлиц наметил последовательные качественно различные этапы развития эволюционной идеи: «Следует проводить строгое различие между теорией трансмутации, впервые выдвинутой Гете, теорией аккомодации, основателем которой по справедливости считается Ламарк, и теорией отбора, проницательное создание которой остается бессмертной заслугой Дарвина (одновременно ту же идею высказал Уоллес)». Дальнейшим развитием эволюционного учения, включающего и первичное возникновение жизни, Зейдлиц считал «углеродную теорию» Геккеля (этот термин предложил Зейдлиц; сам Геккель во «Всеобщей морфологии» называл ее монизмом). По мнению Зейдлица, геккелевские представления о первичном органическом (углеродном) веществе, давшем начало всему миру живых существ, «приближают к решению задачи, поставленной Бэром»². Зейдлиц имел в виду заключительные слова из Предисловия Бэра к первому тому его труда «История развития животных»: «Научные достижения будут еще уделом многих. Однако пальма первенства достанется тому счастливцу, которому суждено свести образовательные силы животных к общим силам или жизненным законам мирового целого. Но еще не выросло даже дерево, из которого будет сделана его колыбель!»³

Эволюционные взгляды, которые Г. Зейдлиц развивал перед студентами в систематическом курсе дарвинизма, а также в книгах, статьях и брошюрах, подобных рассмотренной, не могли не вызвать к себе отрицательного отношения со стороны консервативной части профессуры, Совета университета, а возможно, и более высоких сфер⁴. В результате Совет университета не

---

¹ G. Seidlit z. Bildungsgesetze der Vogeleier, S. 36, 37.

² Там же, S. 56.

³ К. М. Бэр. История развития животных. Наблюдения и размышления, т. 1. Под ред. акад. Е. Н. Павловского. Коммент. проф. Б. Е. Райкова. Изд. АН СССР, 1950, стр. 25.

⁴ Зейдлиц писал Геккелю: «Я читал в этом семестре (недавно закончил) о дарвинистской теории сначала по одному, а затем по два часа при полной аудитории к большой досаде верующих в этой стране, которым недавно проф. Биддер, в качестве физиолога!, в двух популярных лекциях для дам разъяснил, как мало обосновано «дарвиновское надувательство» («Darwin-Schwindel») и как мало оно может сравниться с христианскими спасительными истинами. Один из моих слушателей доносил на меня господам коллегам с богословского факультета: я выставлял богословие в смешном виде и назвал рождение Христа *generatio aequivoca*» (письмо из Дерпта 6 мая 1873 г. [стр. 4]).

принял предложения физико-математического факультета, рекомендовавшего Зейдлица в 1871 г. в качестве доцента, и только после повторного представления избрал его на эту должность три года спустя¹. В доступных архивных источниках полных сведений об этих событиях нет. Осенью 1871 г. декан физико-математического факультета К. Гревингк обратил внимание Совета университета на то, что в Дерптском университете недостаточно занимались изучением естественной истории Прибалтики, вследствие чего ощущается недостаток материала для научной работы и пособий для преподавания. «Для восполнения этого, — писал декан, — имеется благоприятная возможность, так как приват-доцент Г. ф. Зейдлиц, исследовательские и преподавательские способности которого были проверены в течение двухлетней работы, успешно ликвидирует пробелы в обработке нашей фауны и в ее использовании для целей обучения... Физико-математический факультет предлагает поэтому приват-доцента д-ра Г. ф. Зейдлица на доцентуру нашего университета». Перечислив важнейшие из опубликованных Зейдлицем сочинений, посвященных, с одной стороны, теории Дарвина, а с другой — специальным зоологическим вопросам, декан в заключение писал, что «было бы потерей для нашего университета, если бы г. д-р ф. Зейдлиц не смог бы в нем закрепиться (nicht an dieselben gefesselt werden konnte)»².

В какую форму облек Совет университета свое отрицательное решение в связи с этим представлением декана, установить не удалось. Обнаружен только гораздо более поздний документ — отношение попечителя Дерптского учебного округа от 5 апреля 1874 г., в котором сказано: «утверждаю приват-доцента Георгия фон Зейдлица, согласно выбору Совета, доцентом Дерптского университета»³.

В течение трех последующих лет о службе Зейдлица в Дерптском университете архивные сведения отсутствуют. Имеется лишь датированное 18 января 1877 г. его «Прошение» о командировке за границу на 6 месяцев для работы на Неаполитанской зоологической станции, где Зейдлиц намеревался «продолжить начатые в 1872 г. на о. Гельголанде исследования на тамошних

---

¹ В очерке по истории зоологии в русских университетах В. Л. Левина в двух строчках упомянут Г. К. Зейдлиц, «впервые излагавший курс дарвинизма студентам и написавший ряд трудов по вопросам эволюции» (В. Л. Левин. Материалы по истории зоологии в русских университетах досоветского периода — Труды Ин-та истории, естествозн. и техн., т. 31, 160, стр. 403—434; цит. место на стр. 405). Ниже (стр. 407) в этом очерке Г. К. Зейдлиц назван в числе профессоров кафедры зоологии Дерптского университета. На самом деле звания профессора Зейдлиц так и не получил, оставаясь сначала приват-доцентом (1869—1874 гг.), а затем доцентом (1874—1877 гг.).

² ЦГИАР ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед. хран. 654, лл. 22 и 22 об.

³ Там же, л. 36.

акулах и распространить их на большую часть породы *Selachii*»¹. На эту поездку было получено разрешение Министерства народного просвещения². Казалось бы, для Зейдлица в Дерптском университете все обстояло благополучно, однако уже через три месяца, вместо того чтобы поехать в Неаполь, Зейдлиц заявил о своем уходе из университета:

«Совету имп. университета в Дерпте.

Я прошу высоконазначенный Совет о моем освобождении от службы с 1 мая с. г., чтобы получить более высокое место, причем я намерен занять предложенную мне должность ассистента при анатомическом институте Кенигсбергского университета»³.

Мотивы ухода — явно надуманные: место ассистента никак не может считаться повышением для доцента. Одновременно создается впечатление, что Совет Дерптского университета только и ждал, когда, наконец, уйдет доцент, неугодный реакционной части профессуры, в частности богословского факультета. Решение Совета об освобождении Зейдлица от должности было принято буквально через несколько дней, и уже 15 апреля получено соответствующее распоряжение попечителя округа: «Вследствие представления Совета университета от 14-го текущего апреля за № 169 я увольняю доцента университета д-ра Зейдлица, согласно прошению, от службы, считая с 1 будущего мая»⁴.

Историк Тартуского университета Э. Э. Мартинсон сообщил об уходе Зейдлица из университета одной фразой, заметив, что в 70-х годах «была пресечена попытка чтения дарвинизма, сделанная доцентом Зейдлицем»⁵.

Весной 1877 г. Г. Зейдлиц уехал в Кенигсберг, где занял должность ассистента и прозектора при анатомическом институте, будучи, следовательно, вынужденным не только оставить родной университет и уехать за границу, но и изменить содержание своей педагогической работы.

Есть сведения, что в Кенигсберге Г. Зейдлиц получил степень доктора медицины⁶.

В биографической справке Ю. Кеннеля глухо упоминается о том, что Зейдлиц «оставил академическую деятельность через несколько лет, возвратился к частной жизни и живет теперь частным ученым в Мюнхене»⁷. В родословной семье Зейдлицев указано, что Г. Зейдлиц с семьей 15 мая 1885 г. (в год смерти отца, когда, следовательно, оборвалась последняя живая связь с

¹ ЦГИАР ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед. хран. 654, л. 39.

² Там же, л. 40.

³ Там же, л. 57.

⁴ Там же, л. 58.

⁵ Э. Э. Мартинсон. Исторические связи Тартуского (б. Юрьевского) университета с русской наукой. Таллин, 1951, 82 стр. Цит. место на стр. 67.

⁶ ЦГИАР ЭССР, ф. 1441, оп. 1, ед. хран. 11.

⁷ Библиографический словарь (см. список 5 на стр. 12), стр. 279.

родиной) вышел из русского подданства. Там же названа дата его смерти в Эленгаузене близ Мюнхена — 2 июня 1917 г.¹

Относительно сорокалетнего периода жизни Георга Зейдлица в Германии можно сказать немного. В эти годы он помимо публикации небольшого числа кратких сообщений по вопросам гидробиологии и рыборазведения² закончил обработку материала и написал две фундаментальные энтомологические работы; одна из них (почти 900 стр.) представляет второе издание выпущенной ранее (1875) монографии из серии «Балтийская фауна» под названием «Жуки немецких балтийских провинций России»³, а другая (более 1000 стр.) посвящена жукам Трансильвании⁴.

Вероятно, эти работы поглощали в течение десятилетия все время и силы Зейдлица, так как с 1880 до 1891 г., насколько известно, не было опубликовано ни одной его статьи.

В дальнейшем Зейдлиц усердно занимался собиранием библиографии по энтомологии, главным образом работ, посвященных жукам. Эти библиографические сводки помещались ежегодно в течение 16 лет в журнале «Archiv für Naturgeschichte» под общим заглавием «Сообщение о научной деятельности в области энтомологии в... году»⁵. О поразительном трудолюбии Зейдлица свидетельствует уже общий объем этих библиографических обзоров — свыше 5000 страниц.

Все эти публикации присылались из Мюнхена. На основании одной из них (1905 г.) можно предполагать, что Зейдлиц работал в Мюнхенском университете, так как Предисловие к этому сообщению подписано: «Д-р Георг ф. Зейдлиц, доцент университета». Не исключено, впрочем, что это — лишь указание на ученое звание, которое Зейдлиц сохранил после пребывания в должности доцента Дерптского университета.

¹ ЦГИАР ЭССР, ф. 1441, оп. 1, ед. хран. 1.

² G. Seidlitz. Excursion nach den in Bezirk Osterode liegenden Seen. Sitzber. phys.-oekon. Soc. Königsberg, 18. Jg., 1878; он же. Volkswirtschaft und Fischzucht. Vortr. auf d. Heneralvers. d. Deutsch. Fischereivereins in Berlin am 31 März 1879 (2-te Aufl. vermehrt durch ein Nachspiel als Vorwort. Königsberg, 1880).

³ G. Seidlitz. Fauna baltica. Die Käfer (Coleoptera) der deutschen Ostseeprovinzen Russlands. 2-te bearbeitete Auflage. Königsberg, 1891, 12 нenum. + LVI+818 S.

⁴ G. Seidlitz. Fauna transylvanica. Die Käfer (Coleoptera) Siebenbürgens. Königsberg, 1891, LXI+192+914 S.

⁵ G. Seidlitz. Bericht über die wissenschaftlichen Leistungen im Gebiete der Entomologie während Jahres... Coleoptera.— Arch. f. Naturgesch., 63. Jg. 1897—66. Jg. 1900. В последующие годы Зейдлиц давал по два обзора, посвященных общим вопросам энтомологии (Insecta. Allgemeines) и специально жукам (Coleoptera). 67. Jg., 1901—75. Jg., 1909. Следующие три года, когда еще печатались библиографические обзоры Зейдлица, они были озаглавлены просто: Jahresberichte für (род). Insecta. Allgemeines и Coleoptera: 76. Jg., 1910—78 Jg., 1912.

Наконец, в 1920 г., после смерти Г. Зейдлица, вышла его работа, охватывающая более 1000 страниц и посвященная жукам Германии, она составляет часть книги «Естественная история насекомых Германии», начатой В. Эрихсоном¹,

О деятельности Г. Зейдлица в Дерптском университете, связанной с защитой и пропагандой дарвинизма, свидетельствует прежде всего его книга «Теория Дарвина». В ней автор поставил своей задачей показать, каким образом можно научно объяснить возникновение многообразия живых существ, исходя из принципа единства их происхождения.

В предисловии к первому изданию сказано, что подобно тому, как современная наука обнаружила в физических явлениях (радуга, молния и солнечное затмение) действие естественных законов, совершенно так же и вопросы «происхождения растений, животных и, особенно, человека... теория Дарвина стремится разрешить естественноисторически. Что это ей действительно удалось, ... показывает настоящее сочинение»². В предисловии ко второму изданию этой книги Зейдлиц решительно выступил против церковной догматики, которая раньше «запрещала вращение земли и существование антиподов», а теперь «считает для себя опасным естественноисторическое объяснение возникновения растений и животных, включая человека»³. Зейдлиц заметил, что хотя в Прибалтике естествознание еще слабо борется со взглядами церкви, с предрассудками ученых, народной тьмой и суевериями, однако «светлый источник естественнонаучного сознания у нас не совсем иссяк»⁴. Зейдлиц возлагал, в частности, надежды на свои лекции, сообщавшие о новых воззрениях пока только студентам, и выражал уверенность, что уже в начале XX в. эволюционное учение будет преподаваться и в средней школе⁵.

¹ *Naturgeschichte der Insecten Deutschlands, begonnen von Dr. W. F. Erichson. Erste Abt. Coleoptera (Fünfter Band, Zweite Hälfte) von G. Seidlitz. Leipzig, 1920, S. 201—1206.*

² G. Seidlitz. *Die Darwin'sche Theorie. 2-te Aufl., S. IV.*

³ Там же, стр. VI. Э. Радль (Em. Redl. *The history of biological theories. London, 1930, 480 p.*) сочувственно процитировал содержащееся в этом предисловии (стр. VIII) утверждение Зейдлица, что «против ультрамонтанизма и иезуитизма (как католического, так и лютеранского) нет лучшего средства и более победоносного оружия, чем естественные науки». «Под естествознанием,— заметил Радль,— Зейдлиц в этом контексте разумел дарвинизм» (стр. 94).

⁴ Там же, стр. VIII.

⁵ Представление о теории Дарвина давалось в русских учебниках для средней школы уже в 60-х годах прошлого века. Методически крайне неудачно — в виде выдержек из «Происхождения видов» в переводе С. А. Рачинского — сделал это А. П. Богданов в книге «Зоология и зоологическая хрестоматия»

Die

1151 1.02

DARWIN'SCHE THEORIE.

Elf Vorlesungen

über die

Entstehung der Thiere und Pflanzen

durch Naturzüchtung

von

135

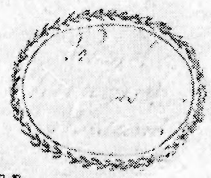
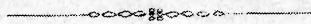
D^r. GEORG SEIDLITZ,

Docent der Zoologie an der Kaiserlichen Universität zu Dorpat.

Zweite vermehrte Auflage.

0:330

Leipzig.

Verlag von Wilhelm Engelmann

1875.

Титульный лист книги Г. Зейдлица «Теория Дарвина»
(Библиотека Института истории естествознания и техники АН СССР)

Во введении ко второму изданию лекций (это введение имеет подзаголовок «Успехи дарвинизма») Г. Зейдлиц писал о распространении дарвинизма на области, лежащие за пределами биологии, на антропологию, языкознание, психологию и этику. Полемизируя с вульгарными материалистами К. Фогтом и Л. Бюхнером, которые давали повод противникам дарвинизма говорить о его несовместимости с этикой. Зейдлиц воспользовался следующим рассуждением: «Если из ошибочного результата расчетов, сделанных с помощью логарифмов, вместо отыскания ошибки расчета прийти к выводу, что ложна сама теория логарифмов, то такая логика никого не убедит. Не более логично утверждение, что теория Дарвина безнравственна и разрушает связь между естествознанием и этикой»¹.

Ссылаясь на аргументы, приведенные в книге Б. Карнери «Нравственность и дарвинизм»², Зейдлиц заметил, что «именно дарвинизм ведет к *истинной нравственности* и к тому практическому идеализму, в котором человечество нуждается для своего прогресса»³. В сноске Зейдлиц предупреждал возможность ошибочного истолкования этих слов и предостерегал от смешения «практического идеализма» как благородной формы поведения человека с ненаучным «философским идеализмом», а равно и от смешения «практического материализма» как отрицательной характеристики поведения с «философским материализмом», на котором базируется естествознание.

В том же введении Зейдлиц остановился на основной методологической проблеме, которую успешно разрешил дарвинизм. Кант, признававший единственно истинным механическое объяснение явлений неживой природы, одновременно считал непригодным это объяснение для жизненных явлений, так как оно, по его мнению, не может истолковать целесообразность строения и деятельности живых существ. Отсюда возник дуализм, допускающий в организмах наряду с естественными силами наличие также сверхъестественного, целепологающего принципа. «Неважно, как называть этот ставящий цель и осуществляющий ее принцип,— продолжал Зейдлиц,— личным творцом, мировой душой или мировой волей; это — безразлично, так как нет разницы между теми, кто признает догму творения, и такими ра-

---

(вып. 3. М., 1865, стр. 514—529). Наоборот, кратко, но очень ясно и доходчиво учение Дарвина изложено во введении (стр. XXX, XXXI) к «Краткому учебнику зоологии» А. О. Ковалевского (2-е изд. СПб., 1869).

¹ G. Seidlitz. Die Darwin'sche Theorie, S. 10.

² B. Carneri. Sittlichkeit und Darwinismus. 3 Bücher Ethik. Wien, 1871. По поводу этого сочинения Карнери Зейдлиц писал Геккелю (Письмо из Дерпта 17 марта 1872 г. [стр. 4]): «Это, по-моему, *превосходная* книга и заслуживает самого широкого распространения, особенно когда дело идет о том, чтобы дать отпор попам».

³ G. Seidlitz. Die Darwin'sche Theorie, S. 10.

дикальными телеологами»¹. «Тех, кто не признает телеологии, Бэр называл «телеофобами». И то и другое, и телеология и телеофобия, сразу же устарели под влиянием теории Дарвина, так как она решила считавшуюся ранее неразрешимой проблему, *объяснив целесообразность в природе без ссылки на предумышленный план и доказав естественноисторически, что она является необходимым результатом механических процессов*»². В этом заключении Зейдлиц опирался на пронизательное суждение Гельмгольца, который в докладе «О цели и успехах естествознания» дал правильное освещение философского значения дарвиновской теории. В нем он впервые кратко, но точно высказал мысль, что именно целесообразность организмов, для которой ранее приходилось принимать телеологические гипотезы, с помощью дарвиновской теории наконец-то объяснена естественноисторически и показано, что она подчиняется закону причинности»³. Уместно вспомнить, что слова Гельмгольца, которые привел Зейдлиц, очень любил повторять К. А. Тимирязев, считавший, что этот афоризм вполне выражает и его собственную оценку учения Дарвина⁴.

Первая глава книги Зейдлица посвящена истории эволюционной идеи до Дарвина. Эту историю Зейдлиц вдумчиво изучал задолго до того, как приступил к чтению лекций по дарвинизму. Об этом, как сказано ранее, свидетельствует сочинение, представленное Зейдлицем при сдаче магистерских экзаменов (см. сноску 5 на стр. 13). В исторической главе Зейдлиц обнаружил не только основательное знакомство с литературными источ-

---

¹ В. Seidnitz. Die Darwin'sche Theorie, S. 15.

² Там же, стр. 16 (подчеркнуто у Зейдлица).

³ Там же, стр. 32. Зейдлиц сослался на речь Г. Гельмгольца при открытии собрания естествоиспытателей в Инсбруке (H. v. Helmholtz. Über das Ziel und die Fortschritte der Naturwissenschaft. Eröffnungsrede für die Naturforscherversammlung in Innsbruck, 1869).

⁴ В публичной лекции «Опровергнут ли дарвинизм?», прочитанной в Политехническом музее в 1887 г., Тимирязев дважды обращался к этой мысли Гельмгольца (К. А. Тимирязев. Сочинения, т. VII, 1939, стр. 310). В речи «Витализм и наука» на годичном собрании Общества любителей естествознания в 1894 г. Тимирязев снова процитировал почти дословно мысль Гельмгольца (К. А. Тимирязев. Сочинения, т. V, 1938, стр. 183). В статье для Энциклопедического словаря Граната под названием «Основные черты истории развития биологии в XIX столетии» Тимирязев заметил: «Гельмголец, этот, быть может, наиболее глубокий и всеобъемлющий ум, которым мог гордиться XIX век, в самых определенных выражениях приветствовал появление учения другого великого мыслителя, принесшего решение этой загадки (целесообразности в органическом мире — Л. Б.)» (К. А. Тимирязев. Сочинения, т. VIII, 1939, стр. 101). Наконец, в статье «Чарльз Дарвин и полувековые итоги дарвинизма» («Вестник Европы», кн. 2, 1909) Тимирязев также два раза сослался в тексте на слова Гельмгольца и, кроме того, вынес их на языке оригинала в эпиграф (К. А. Тимирязев. Сочинения, т. VII, 1939, стр. 213).

никами, но и проницательность подлинного историка науки, объективно оценивающего научные идеи прошлого¹.

Зейдлиц стремился избежать модернизации представлений, высказывавшихся античными мыслителями и авторами XVII и XVIII вв., которым нередко неосновательно приписывали эволюционные взгляды. Он вполне убедительно оспаривал утверждения тех историков биологии (например, М. Вагнера и А. Катрфажа), которые считали Анаксимандра, Ксенофана и Эмпедокла, а в XVIII в. — Бенуа де Майе, Робине и Бюффона предшественниками Дарвина; на самом деле их взгляды имели чисто умозрительный характер и не могли быть облечены в форму аргументированной теории. Столь же неправильным считал Зейдлиц трактовку некоторых суждений Лейбница как предвосхищение взглядов Дарвина; Лейбниц говорил о «развитии» или «законе непрерывности», вкладывая в эти понятия содержание, не имеющее ничего общего с подлинным эволюционизмом. По мысли Лейбница, ни одно существо не происходит от другого, в частности высшее из низшего; все живые существа существуют одновременно с начала мира, и каждое *ab origine* утверждает свою собственную индивидуальность.

Однако здравое чутье историка науки несколько изменило Зейдлицу при оценке представлений Гете, которого он считал подлинным предшественником Дарвина, поскольку поэт-натуралист на основании сравнительно-анатомических исследований убедился в факте изменения животных форм под влиянием внешних условий. Такое же мнение о биологических взглядах Гете еще раньше высказал Геккель в «Естественной истории миротворения»². На ошибку Геккеля обратил внимание О. Шмидт в книге, посвященной истории дарвинизма³. Этот же вопрос вскоре детально рассмотрел И. И. Мечников в работе по истории эволюционной идеи и подверг критике соответствующие взгляды Геккеля и Зейдлица (следует заметить, что Мечников — один из немногих авторов, занимавшихся историей эволюционной теории, которые были знакомы с книгой Зейдлица⁴). Признавая

¹ Свою любовь к истории науки, в частности к истории эволюционного учения, Г. Зейдлиц выразил в весьма оригинальной форме. Пользуясь тем, что лютеранская церковь разрешает давать детям несколько имен, в том числе не соответствующих именам святых (что обязательно для католиков), Зейдлиц дал своему единственному сыну, родившемуся в Дерпте 9 марта 1871 г. имя Герхард-Карл-Ламарк-Дарвин. Правда, сын пошел в большей степени по стопам деда, чем отца: он учился на медицинском факультете в Гейдельберге и Фрейбурге, получил степень доктора медицины, работал ассистентом клиники глазных болезней в Кенигсберге, затем в госпитале в Герлице, а в дальнейшем был практикующим глазным врачом в Дрездене (ЦГИАР ЭССР, ф. 1411, оп. 1, ед. хран. 1, л. 3 и ед. хран. 46).

² E. Haeckel. *Natürliche Schöpfungsgeschichte*. Berlin, 1868, XVI+568 S.

³ O. Schmidt. *Deszendenzlehre und Darwinismus*. Leipzig, 1873, VIII+308 S.

⁴ К ним принадлежит и Ю. А. Филипченко, в книге которого «Эволюционная идея в биологии» (М., 1923) вскользь говорится о Зейдлице, но значение его трудов в деле защиты и пропаганды дарвинизма не раскрыто. Необхо-

заслуги Гете в обосновании идеи общего прототипа и в применении сравнительного метода к изучению органических форм, Мечников справедливо заметил, что «от этого до основания премущественности происхождения видов — громадное расстояние»¹. И. И. Канаев также пришел к выводу, что «вопрос об изменемости организмов под влиянием условий среды... Гете не связывает с проблемой видообразования, т. е. эволюции»².

Впрочем, при сопоставлении мнений о Гете как эволюционисте, высказанных Геккелем и Зейдлицем, легко установить, что последний выражался значительно осторожнее. В «Обзоре эволюционной теории в форме таблицы», завершающей книгу Зейдлица, Гете справедливо приписывается лишь авторство «теории трансмутации». Зейдлиц отчетливо различал значение Гете и Ламарка в истории эволюционного учения. Если Гете, по словам Зейдлица, высказывал эволюционные взгляды лишь в афористической форме, то Ламарк придавал им характер научной системы, с помощью которой он сделал попытку объяснить превращения животных их приспособлением к внешним условиям в силу измененных привычек и в результате наследования возникающих изменений. Отметив слабость аргументации Ламарка, не сумевшего, кроме того, охватить единым принципом эволюцию животных и растений, Зейдлиц вместе с тем отдавал ему должное, так как именно Ламарк «энергично поколебал окостеневшее убеждение в неизменности видов, включая и человека»³.

Далее, Зейдлиц напомнил об эволюционных представлениях Г. Тревирануса, Ф. Фойгта, Г. Линка, Л. ф. Буха, Ж. Бори де Сан Венса и Э. Жоффруа Сент-Илера. Последний, в отличие от Ламарка, придавал наибольшее значение прямому, непрерывно действующему влиянию внешнего мира («*monde ambiant*»), вызывающему изменения животных форм, причем способность к этим изменениям Жоффруа Сент-Илер относил к эмбриональному периоду, тогда как Ламарк связывал ее с периодом активной жизни животных. Попытки Жоффруа Сент-Илера отстоять идею эволюционного изменения животных натолкнулись на авторитет Кювье. По мнению Зейдлица, упрочению теории эволюции больше вредили не ее противники, вроде Кювье, а такие защитники, как Л. Окен и И. Кауп. Последний в сочинении «Эскиз

димо еще раз упомянуть книгу Э. Радля (см. сноску 3 на стр. 26), в ней Г. Зейдлиц отнесен к числу «герольдов дарвинизма в Германии» (стр. 46).

¹ И. И. Мечников. Очерк воззрений на происхождение видов (1876).— Избр. биол. произведения, 1950, стр. 59. Обоснованность суждений о взглядах Гете, высказанных Мечниковым, и справедливость критики Мечниковым суждений о них Геккеля и Зейдлица отметил И. М. Поляков в статье «Значение трудов И. И. Мечникова в истории дарвинизма» (Труды Совещ. по истории естествозн. 24—26 декабря 1946 г. М.—Л., 1948, стр. 319—340).

² И. И. Канаев. Иоганн Вольфганг Гете. Очерки из жизни поэта-натуралиста. М.—Л., 1964, 260 стр. Цит. место на стр. 173.

³ G. Seidlit z. Die Darwin'sche Theorie, S. 35.

истории развития и естественной системы животного мира Европы»¹ высказывал совершенно фантастические генеалогические соображения. Так, по его мнению, «благородный олень происходит от тетерева, а последний от ящерицы, лось от чайки, косуля от рябчика, тур от дрофы». «Это просто пародия на теорию эволюции», — справедливо заметил Зейдлиц².

Подводя итог первому периоду развития эволюционной теории с конца 1780 г., когда были написаны статьи Гете «О межчелюстной кости животных и человека» и «Опыт всеобщего сравнительного изучения», т. е. периоду, который «заключился триумфом авторитета Кювье», Зейдлиц заметил, что «даже крупные естествоиспытатели до 1859 г. оставались стоять перед воротами истины»³. Зейдлиц, однако, упомянул, что и в этот период не раз поднимались голоса против неизменности видов. Он сослался на доклад Бэра «Всеобщий природный закон развития» (1834) и на премированную Мюнхенским университетом работу А. Шпринга «О естественнo-исторических понятиях рода, вида и выродившегося вида и о причинах вырождения в органических царствах»⁴. Шпринг, как и Тревиранус, считал, что из индивидуальных различий под влиянием внешних условий должны возникнуть выродившиеся виды (Abarten), которые постепенно делаются хорошо различимыми.

Далее Г. Зейдлиц привел мнение геолога О. д'Аллау о вероятном возникновении одних видов от других и предположение П. Мэтью, близкое к идее естественного отбора⁵, и сослался на «Историю природы» Г. Бронна, допускавшего эволюцию в узких систематических границах, на «Следы творения» Р. Чемберса, выдержавшие только в Германии с 1847 по 1853 г. 10 изданий, на «Письма о «Космосе» А. Гумбольдта» Б. Котты (1848), в которых шла речь о том, что «все органические формы являются лишь ступенями длинного ряда развития и одни всегда происходят от других»⁶. Далее, Зейдлиц упомянул, что из ботаников в пользу постепенного превращения организмов высказывались Ф. Унгер и Ш. Ноден, а также М. Шлейден, который «был одним из первых, кто с энтузиазмом приветствовал дарвинизм»⁷.

¹ J. Kaup. Skizzirte Entwicklungsgeschichte und natürliches System der europäischen Thierwelt, 1829. Цит. по Зейдлицу.

² G. Seidlitz. Die Darwin'sche Theorie, S. 43—44.

³ Там же, стр. 45.

⁴ A. F. Spring. Über die naturhistorischen Begriffe von Gattung, Art und Abart, und über die Ursachen der Abartung in den organischen Reichen. Leipzig, 1838. Цит. по Зейдлицу.

⁵ О подлинном месте П. Мэтью в истории эволюционной идеи см. исследование С. Л. Соболя «Принцип естественного отбора в работах некоторых английских биологов 10-х — 30-х годов XIX в.» — Труды Ин-та истории естествозн. и техн., 1962, т. 40, стр. 17—117 (о П. Мэтью — стр. 93—117).

⁶ G. Seidlitz. Die Darwin'sche Theorie, S. 47.

⁷ Там же, стр. 47. В списке Зейдлиц упомянул, что Шлейден отстаивал учение Дарвина в Дерпте в своем курсе антропатологии и древней истории человека, причем собрал столько слушателей, что лекции пришлось пере-

По мнению Зейдлица, Г. Спенсер «больше всех других приблизился к теории Дарвина, но у него только отсутствует принцип естественного отбора»¹. Оценивая высоко взгляды Спенсера, Зейдлиц, разумеется, не мог предвидеть, что в начале 90-х годов Спенсер, полемизируя с Вейсманом, специально выступил против основ теории Дарвина в статье «Недостаточность естественного отбора» и вынудил Вейсмана к решительной отповеди. В 1850 г., вскоре после выхода в свет «Следов творения», А. Шопенгауэр издал свои «Peregrina et Paralipomena», в которых развитие органического мира объяснялось, как у Чемберса, скачкообразным возникновением новых видов из предсуществующих посредством «самопроизвольного зарождения в чужой матке». Зейдлиц с явной иронией воспроизвел невежественные суждения Шопенгауэра, согласно которым сумчатое животное внезапно произвело полуобезьяну и таким образом возникла новая ступень организации; полуобезьяна столь же внезапно породила обезьяну, и, наконец, появилась обезьяниха (Affin) с готовым человеческим ребенком. Все эти необыкновенные способы размножения, как писал Зейдлиц, по существу равнозначные творческому акту, были для Шопенгауэра проявлением «воли», которую он, по его мнению, открыл в природе.

Казалось бы, чем ближе к моменту опубликования «Происхождения видов», тем больше должно было появиться работ, содержание которых приближалось бы к обоснованной эволюционной теории. На самом деле это было не так. И. В. Карус, в дальнейшем сделавшийся убежденным дарвинистом, ранее, в «Системе морфологии животных»² лишь в одном месте введения позволил себе намек на эволюционные представления. Г. Йегер, развивавший, по словам Зейдлица, в узком кругу молодых естествоиспытателей в 1857 г. эволюционные взгляды на происхождение животных, не отважился, однако, опубликовать их, подчиняясь, очевидно, власти тогдашнего общественного мнения в ученом мире. Лишь позднее, в 1864 г., в «Зоологических письмах» он выступил как эволюционист. Зейдлиц перечислил ряд имен — Р. Вирхова, Т. Гексли, Дж. Гукера, А. Брауна и, особенно, К. Бэра, которые в 1858—1859 гг., т. е. почти

пести в большой зал. После нескольких месяцев работы в Дерптском университете, в результате травли, Шлейден был вынужден его покинуть. По этому поводу Зейдлиц с возмущением писал, что в «Балтийском ежемесячнике» анонимный автор изложил дело так, будто «Шлейден благодаря здравому смыслу учащихся был изгнан из Дерпта». Эту выдержку Зейдлиц сопроводил выразительным: «Sic!».

¹ G. Seidlitz. Die Darwin'sche Theorie, S. 49. Трудно сказать, написано ли это с иронией (совершенно ясно, что любая теория эволюции, не основывающаяся на естественном отборе, не может «приближаться» к теории Дарвина), или же Зейдлиц сказал это серьезно, почему-то утратив присущее ему ясное и недвусмысленное понимание основных принципов дарвинизма.

² J. V. Carus. System der thierischen Morphologie. Leipzig, 1853, XII+506 S.

одновременно с Дарвином, высказывали эволюционные взгляды, не облекая их в форму законченной эволюционной теории. Зейдлиц особенно выделил работу Бэра «О папуасах и альфурах», которую он считал предвосхищающей некоторые эволюционные идеи Дарвина.

В заключении исторической главы Зейдлиц обратил внимание на нередкую в истории науки ситуацию, когда при обнаружении кем-либо новой и несомненной истины находятся лица, претендующие на приоритет в ее открытии и утверждающие «что эту вещь они уже давно обнаружили, выяснили или догадывались о ней, во всяком случае они о ней говорили». С теорией Дарвина повторилась «эта же старая история о Колумбовом яйце... Никому из предшественников Дарвина не удалось действительно поставить яйцо на кончик, и сам Ламарк... сделал только два первых шага по пути к объяснению, а на третьем его теория повисла в воздухе»¹. Под этим «третьим шагом» Зейдлиц подразумевал материалистическое (не требующее ссылки на божественную волю или имманентную целесообразность) истолкование приспособлений организмов к условиям существования, которое впервые дала теория Дарвина. О содержании и развитии этой теории идет речь во всех остальных главах книги Зейдлица.

Во второй главе, излагающей воззрения Дарвина, отмечены две заслуги последнего — широкое фактическое обоснование теории эволюции и каузальное ее объяснение. Это объяснение, в основе которого лежит учение о естественном отборе, как справедливо усмотрел Зейдлиц, действительно представляло в учении Дарвина то принципиально новое, чем его теория отличалась от всех ранее высказывавшихся эволюционных взглядов. Зейдлиц подробно разъяснил существенное сходство между созданием человеком пород домашних животных и процессом видообразования свободноразвивающихся форм, а также значение всех факторов эволюционного процесса — изменчивости, размножения в геометрической прогрессии, борьбы за существование как в форме прямого уничтожения, так и в форме состязания или «конкуренции с себе подобными», и, наконец, естественного отбора, т. е. выживания наиболее приспособленных особей, полезные признаки которых закрепляются и накапливаются в потомстве наследственностью.

Зейдлиц предлагал различать, во-первых, одпоразовый выбор (*Auslese*), обеспечивающий выживание данного индивидуума; изменение, обеспечившее это выживание, может быть ненаследственным, но, даже и наследуемое, оно все же далеко не всегда имеет какое-либо значение для вида и его эволюции. Во-вторых, следует иметь в виду повторное, в течение многих

¹ G. Seidnitz. Die Darwin'sche Theorie, S. 56.

поколений выживание совокупностей особей, наиболее соответствующих условиям существования; это выживание, тем самым, становится естественным отбором (*Naturzüchtung*). Переход от первого ко второму осуществляется путем интенсивного размножения и наследственности. «Только повторное *наследование признаков* вместе с *повторным выживанием* организмов, *более подходящих* (к данным условиям — Л. Б.), обуславливает накопление полезных признаков», наличие которых «обозначают как *приспособление* к условиям жизни»¹.

При длительно сохраняющихся условиях существования, как заметил Зейдлиц, тот же естественный отбор, который ранее закреплял вновь возникающие полезные изменения, теперь поддерживает относительную неизменность вида. Зейдлиц предложил называть это действие естественного отбора «консервативным приспособлением» и пояснил это следующим сравнением. Как садовник, повторно обрезая торчащие в разные стороны ветки, сохраняет желательную форму кустов или деревьев, «так и непрерывно действующий естественный отбор истребляет все особи, уклоняющиеся от однажды достигнутого приспособления»².

Для иллюстрации «консервативного приспособления» Зейдлиц привел пример, на который сослались противники изменчивости видов — ибисы, насколько можно судить по их мумиям, найденным в египетских гробницах, с тех пор не изменились. «Консервативное приспособление, — заметил по этому поводу Зейдлиц, — в случае достаточного постоянства жизненных условий в продолжение 2000 и даже 20 000 лет обеспечило бы неизменность признаков ибиса соответственно в течение 2000 или 20 000 лет»³.

Иначе обстоит дело в случае изменения условий существования: тогда «будут истребляться другие особи из всегда имеющегося в изобилии материала индивидуальных изменений, *другие признаки* будут определять выживание и накапливаться наследственностью, иными словами, *консервативное приспособление превращается в прогрессивное для новых и в регрессивное для старых признаков*»⁴.

Есть все основания сопоставить эту классификацию приспособлений, закрепляемых отбором, с подразделением форм естественного отбора, разработанным на новом, разумеется, более высоком уровне, И. И. Шмальгаузен, который различал стабилизирующую («консервативное приспособление», по Зейдлицу) и ведущую, или движущую («прогрессивное приспособление», по Зейдлицу) формы отбора⁵.

¹ G. Seidlitz. Die Darwin'sche Theorie, S. 67, 68.

² Там же, стр. 68.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 69.

⁵ В последней редакции предложенного И. И. Шмальгаузен определения форм естественного отбора даны следующие их характеристики: «Движущая форма естественного отбора реализуется на основе селекционного пре-

При изложении основ теории Дарвина Зейдлиц обратил специальное внимание на сложные формы взаимодействия между организмами, обитающими в одной и той же среде. Он подробно рассмотрел использованный Дарвином пример экологической цепи: красный клевер — шмели — полевые мыши — кошки «Сходные отношения существуют во всей органической природе повсюду. Все виды животных и растений зависят друг от друга и связаны друг с другом как зубчатые колеса в часах. Достаточно незначительного изменения какого-либо существующего отношения, чтобы поставить под вопрос жизнь многих видов и превратить консервативное приспособление в прогрессивное или регрессивное, и тогда старые жизненные формы превращаются в новые»¹.

Достоин упоминания и мимоходом сделанное Зейдлицем замечание о том, что истребление менее приспособленных форм (естественный отбор) «происходит по твердым законам, которые допускают математическое выражение, посредством исчисления вероятностей»². Эта мысль, как известно, была использована лишь много позже в работах С. Райта, Р. Фишера и Дж. Холдейна.

Вторая глава завершается обсуждением вопроса о дивергенции как одном из основных факторов видообразования. Изложив точку зрения Дарвина, показавшего, что для осуществления этого процесса требуется, чтобы различные особи одного вида оказались в новых и притом различных жизненных условиях, Зейдлиц отметил, что это легче всего происходит при географической изоляции. Признавая значение последней для видообразования, Зейдлиц вместе с тем возражал против универсализации этого фактора и попытки подменить им принцип естественного отбора, что, в частности, сделал М. Вагнер. Критике его ошибочных взглядов Зейдлиц посвятил специальные статьи³.

Затронутые в этой главе факторы эволюции и закономерности эволюционного процесса детально рассмотрены в следующих главах.

имущества некоторых вариантов перед представителями средней нормы, установившейся в прежних условиях существования данной популяции. Стабилизирующая форма естественного отбора реализуется на основе селекционного преимущества представителей средней нормы перед всеми отклонениями от этой нормы. Эта форма оказывает свое действие при установившихся экологических условиях и биоценологических отношениях» (И. И. Шмальгаузен. Проблемы дарвинизма. Изд. 2-е перераб. и дополн. Л., 1969, стр. 237). В отличие от Зейдлица, Шмальгаузен считал, что стабилизирующий отбор, выражающий состояние равновесия между популяцией и внешней средой, осуществляется в течение относительно короткого времени.

¹ G. Seidnitz. Die Darwin'sche Theorie, S. 70.

² Там же, стр. 66.

³ См. сноску 3 на стр. 20, 21.

В третьей главе освещены явления изменчивости и показано, что они представляют универсальное свойство живых существ и затрагивают буквально все, как количественные, так и качественные признаки; при этом крайние вариации обычно падают уродствами. По поводу источника возникновения изменений Зейдлиц заметил, что их поиски приводят к выяснению химических превращений, происходящих в структурных образованиях; для понимания причины изменений нет необходимости апеллировать к мистической «жизненной силе», существование которой допускали такие выдающиеся химики, как И. Берцелиус, и такие физиологи, как И. Мюллер.

Зейдлиц считал заслугой Геккеля дальнейшее развитие теории Дарвина, в частности обоснование «углеродной теории» эволюции, связанной с применением принципа каузальности, которую Геккель противопоставил телеологии. Это утверждение Зейдлица, строго говоря, покоится на недоразумении, так как именно на принципе каузальности, исключавшем из идеи эволюции имманентную телеологию, строил свою теорию сам Дарвин.

Четвертая глава посвящена явлениям размножения и наследственности. В ней, в частности, затронута гипотеза пангенезиса Дарвина, которая, по словам Зейдлица, как будто превосходно объясняет явления наследственности; однако Зейдлиц признавал, что доказательства правильности этой гипотезы отсутствуют. Интересны его суждения о соотношении изменчивости и наследственности. Зейдлиц считал неправильным противопоставление этих явлений и видел источник подобной ошибки в отношении к процессам изменчивости только изменений, возникающих под влиянием внешних факторов, и в игнорировании врожденных, т. е. наследственных, изменений. Если же иметь в виду эти, наиболее важные для эволюции изменения, то мнимая противоположность изменчивости и наследственности исчезает. «В этом,— писал Зейдлиц,— триумф монизма над дуализмом»¹.

В пятой и шестой главах идет речь о различных морфологических и функциональных корреляциях и об их значении для эволюции. Прежде всего упомянуты корреляции между гомологичными частями организма, когда, например, многопалость или вариации в количестве и расположении мышц обнаруживаются одновременно и на верхних и на нижних конечностях; далее, корреляции в развитии повторяющихся дериватов кожных покровов — волос, перьев, чешуи и т. п.; так, волосы изменяются по длине и форме на всем теле одинаково. Затем Зейдлиц отметил корреляции в развитии волос и зубов, в окраске радужной оболочки, в окраске кожи и волос. Специальное внимание он уделил корреляции между первичными и вторичными половыми

¹ G. Seid litz. Die Darwin'sche Theorie, S. 95.

признаками, в частности зависимости последних от первых. Коррелируют в развитии и негомологичные органы: например, наличие тяжелых рогов сочетается с утолщением костей черепа, с усилением развития мышц и связок шеи, а также остистых отростков части позвонков и т. п.

Следовательно, коррелятивная изменчивость, как ее назвал Дарвин, состоит в том, что различные части тела зависят друг от друга в отношении их формы, окраски и резистентности, причем эти свойства изменяются одновременно. Поэтому достаточно выяснить причину изменения одной части, чтобы понять характер изменения других частей, коррелятивно связанных с первой.

В пятой главе рассмотрены, кроме того, разнообразные условия существования, обеспечивающие выживание или служащие причиной гибели в процессе естественного отбора, а также различные формы борьбы за существование, приводящие к отбору. Выживание форм, обладающих теми или иными преимуществами, осуществляется при наличии у них способности к самосохранению, которая проявляется, например, у молодежи выводковых птиц (тогда как у птенцовых, которых кормят и защищают родители, в ней нет надобности). Эта способность проявляется далее в окраске яиц, имитирующих цвет фона, у тех птиц, гнезда которых открыты для взгляда врагов (во всех других случаях симпатическая окраска яиц бесполезна). Подобные явления, которые Зейдлиц называл пассивным самосохранением, он отличал от активных — умения добывать пищу и спасаться от преследователей; последнее он сводил в конечном счете к явлениям обмена веществ.

Вероятно, наибольший интерес для истории эволюционного учения имеют собранные в седьмой главе и рассеянные в других местах книги суждения, в которых сопоставлено объяснение эволюционных изменений прямым приспособлением, иначе говоря, ламаркизм, с их объяснением, основанным на принципе естественного отбора ненаправленных наследственных изменений, т. е. с дарвинизмом. Зейдлиц предлагал отчетливо различать две категории изменений живых существ — врожденные и приобретенные — и считал нужным «рассмотреть их порознь, так как в их основе лежат совершенно различные причины и для теории (эволюции — Л. Б.) они имеют очень различное значение»¹. Врожденные особенности, как заметил Зейдлиц, очень часто наследуются, а наследование приобретенных свойств нужно считать исключением. «Как правило, повреждения совсем не наследуются, даже если повторяются в течение большого числа поколений»². Зейдлиц считал, что доказательств наследования

¹ G. Seidlit z. Die Darwin'sche Theorie, S. 77, 78.

² Там же, стр. 134.

модификаций, вызванных употреблением или неупотреблением органов, не существует, «хотя случаи увеличения или уменьшения употребляемых и соответственно неупотребляемых органов относятся к числу очевиднейших явлений».

Для Зейдлица был совершенно ясным путь непротиворечивого выяснения вопроса. Приведя почерпнутый у Дарвина пример утолщения кожи на ладонях и подошвах, обнаруживаемого же в утробной жизни, Зейдлиц продолжал: «Доказательство одлинного наследования приобретенного утолщения подошвы было бы доставлено в том случае, если бы один из братьев, хотивший с юности босиком, производил бы детей с более толстыми с самого рождения подошвами, чем другой, не ходивший босиком». Считая, что утолщение кожи на ладонях и одошвах, как и всякий другой приспособительный признак, озникает в результате естественного отбора, Зейдлиц заметил: Совершенно так же копыта многих млекопитающих, мозоли ерблюдов и некоторых пород овец могут быть объяснены естегвенным отбором врожденных уклонений без допущения наслеования приобретенных признаков»¹. Даже казавшиеся заслуживающими внимания утверждения относительно наследования рриобретенных привычек и инстинктов Зейдлиц ставил под сомение, исходя из предположения, что «зачаток первоначально появления привычки взрослого животного дремлет уже у ародыша»². Он привел примеры таких «латентных» признаков: ачатки зубов у новорожденного ребенка или признаки взрослоо ракообразного, предобразованные в науплиусе или зоэа, наонец, как заключил Зейдлиц, «латентны... в яйце все признаки ез исключения» развивающегося из яйца организма³. Таким те скрытым врожденным, а не приобретенным признаком явяется, по словам Зейдлица, удоимость, передаваемая через ыка его дочерям и т. п.

Все эти примеры наследования латентных признаков, по нению Зейдлица, говорят о том, что и в отношении привычек инстинктов есть основание иметь в виду не их приобретение зрослой особью и затем передачу потомству, а наследование рожденного латентного зачатка. Эти утверждения Зейдлиц ргументировал в специальном пространном примечании: «Пчеы доставляют выразительный пример того, что латентные призаки могут усиливаться и закрепляться естественным отбором. пчелиной матки и трутней полезные для пчелиной семьи нстинкты рабочей пчелы остаются в латентном состоянии и не спытывают влияния употребления или неупотребления, т. е. азвиваются не в силу «прямого приспособления» (Геккель), и,

---

G. Seidlitz. Die Darwin'sche Theorie, S. 136.

Там же, стр. 138.

Там же, стр. 139.

наоборот, рабочие пчелы, у которых этот инстинкт мог бы возникнуть путем прямого приспособления, ничего не передают потомству... Матка передает по наследству свои скрытые инстинкты плодовитым дочерям, ...которые с этим латентным наследством вступают в миролюбивую конкуренцию друг с другом, так что эти инстинкты развиваются и проявляются в семьях, состоящих из их бесполок дочерей. ...Мы имеем здесь лучшее свидетельство в пользу теории отбора и против ламарковской теории аккомодации, а также в пользу того, что *врожденные* индивидуальные различия гораздо важнее для естественного отбора и тем самым для превращения видов, чем приобретенные». Следует вспомнить, что 20 лет спустя те же примеры привел в полемике со Спенсером Вейсман, не ссылаясь на книгу Зейдлица, которая была ему, очевидно, неизвестна.

Г. Зейдлиц упомянул также о том, что прямым приспособлением нельзя объяснить появление «симпатической окраски», мимикрии и прочих пассивных защитных свойств, а также все признаки, подвергающихся половому отбору.

К сопоставлению прямого приспособления и естественного отбора как движущих сил эволюции Зейдлиц вернулся в одном из писем к Геккелю: «Чем больше я восторгаюсь Вашей брошюрой,.. тем больше сожалею, что не могу согласиться с одним Вашим утверждением. Оно касается *единственного* пункта, в котором в отношении эволюционной теории и монистической философии я *не* присоединяюсь к Вашему мнению и поэтому страстно желаю достигнуть взаимопонимания. Различие (взглядов — Л. Б.), если его проводить последовательно, является, впрочем, фундаментальным; ибо Вы стоите по существу более на точке зрения ламарковского «прямого приспособления», чем дарвиновского «отбора врожденных особенностей». Уже в своей брошюре о законах образования птичьих яиц я привел много доводов, которые делают вероятным, что материал для отбора доставляется скорее *врожденными* различиями, чем *приобретенными* изменениями. Я изложил это подробнее в своей «Теории Дарвина» (I-е изд., стр. 109, 110; II-е изд., стр. 132—147), где, как думаю, показал, что во многих случаях наследование *приобретенных* признаков полностью исключено... Я там же пытаюсь показать (стр. 92—95), как врожденные индивидуальные различия, т. е. *материал для естественного отбора*, могут получить простое причинное объяснение *неравным* наследованием (дарвинизм) без допущения внешних влияний (ламаркизм). Если в этих рассуждениях я позинел в логической ошибке, то хочу лишь, чтобы Вы меня опровергли. Вместо этого Вы просто утверждаете на стр. 15: «бе-

¹ G. Seidlitz. Die Darwin'sche Theorie, S. 264—265.

признания факта, что *приобретенные* признаки наследуются, всякая теория происхождения вообще немыслима»¹.

На значение соображений Зейдлица для правильной постановки и решения вопроса о наследовании или ненаследовании приобретенных признаков обратил внимание Э. Радль.² Отметив, что Дарвин в «Происхождении видов» не проводил резкой грани между унаследованными и приобретенными (в частности, под влиянием употребления или неупотребления) признаками, Радль напомнил, что «Георг Зейдлиц и К. Негели, по-видимому, первые установили существенное различие между (врожденными и приобретенными — Л. Б.) свойствами. Негели указал на свои исследования над альпийскими разновидностями растений, которые, будучи перенесены в долину, уже в первом поколении теряли признаки, приобретенные под влиянием горного климата; таким образом, в этом случае приобретенные признаки не наследовались. В том же году Г. Зейдлиц (молодой дарвинист из Дерпта), исходя из общих соображений, высказал сомнение в наследовании приобретенных признаков и оспаривал попытку Геккеля обосновать этим превращение форм»³.

Явления симпатической окраски Зейдлиц подробно рассмотрел в восьмой главе книги, а также в других, уже упомянутых работах⁴. Специальная (девятая) глава посвящена классификации приспособлений, обеспечивающих опыление у растений и осеменение у животных. В этой же главе, наряду с инстинктами, связанными с размножением и воспитанием потомства, а равно и всякими иными, Зейдлиц коснулся также социальных инстинктов человека, проявляя, естественно, при обсуждении

¹ Письма Г. Зейдлица к Э. Геккелю. Письмо без места и даты [стр. 11—13]. Дата письма может быть восстановлена по его содержанию с точностью до года. В приведенной выдержке из письма Зейдлиц ссылается на брошюру Геккеля; по цитате из этой брошюры можно установить ее название: E. Haeckel. Ziele und Wege der heutigen Entwicklungsgeschichte. Jena, 1875, 99 S. Стало быть, письмо написано в это же время. Зейдлиц несколько перефразировал Геккеля, у которого, правда, по существу сказано то же самое: «Как известно, эволюционная теория в первую очередь покоится на фундаментальном и в высшей степени важном факте, что изменение, приобретенные посредством приспособления, наследуются... Без признания этого факта всякая теория происхождения... вообще немыслима».

² Радль (см. сноску 3 на стр. 26) сослался на брошюру Негели C. Nägeli. Entstehung und Begriff der naturhistorischen Art. München, 2-te Aufl., 1865, 55 S. В действительности, данные об изменении альпийских растений приведены в другой статье Негели, вышедшей в том же году. Über den Einfluss äusserer Verhältnisse auf die Varietätenbildung im Pflanzenreiche. Sitz.—ber. bayer. Akad. Wiss. zu München, 1865, II Bd., S. 228—284.

³ E. Radl. (См. сноску 3 на стр. 26), p. 248. Следует заметить, что Радль здесь смешал двух Зейдлицев — отца и сына. В брошюре Карла Зейдлица, действительно опубликованной в 1865 г. (см. сноску 2 на стр. 9), не содержится критики Геккеля, поскольку «Всеобщая морфология» Геккеля вышла только в 1866 г. Рецидив ламаркизма у Геккеля критиковал Георг Зейдлиц в книге «Теория Дарвина», вышедшей на шесть лет позднее работы Негели.

⁴ См. сноску 3 на стр. 20.

этих вопросов ту философскую беспомощность, которая свойственна буржуазной социологии.

В предпоследней (десятой) главе освещен вопрос о дивергенции признаков, приводящей посредством естественного отбора к вымиранию форм, промежуточных между дивергировавшими группами, и таким путем к видообразованию.

В последней (одиннадцатой) главе выяснено значение гомологии, т. е. однозначности, имеющей генсалоогический смысл, в отличие от аналогии, т. е. физиологической однозначности признаков. В этой же главе пропигандельно различаются совершенство (высота) организации и совершенство приспособления, которое не обязательно связано с повышением сложности организации, а может быть даже следствием ее упрощения. Мысли, которые развивал здесь Зейдлиц, опираясь на учение Дарвина, в известной мере предвосхищают представления А. Н. Северцова, предлагавшего различать такие формы прогрессивной эволюции, как морфологический и биологический прогресс.

В одном из примечаний Зейдлиц возражал против обвинения Дарвина в том, что он не занимался вопросом о происхождении жизни. По словам Зейдлица, Дарвин был вправе отделить вопрос о возникновении первых организмов от вопроса о развитии одних систематических групп от других. Подобный упрек Дарвину, как писал Зейдлиц, столь же необоснован, как, например, использование факта отсутствия крыши у здания для сомнения в прочности его фундамента и стен, тогда как из этого факта можно лишь сделать заключение о незавершенности сооружения.

К книге «Теория Дарвина» приложена таблица, изображающая развитие эволюционных представлений, на которую Зейдлиц неоднократно ссылался в тексте. Структура таблицы такова. Слева столбцом расположены следовавшие одна за другой эволюционные теории: *теория трансмутации* Гете (1796), в которой только констатировалось превращение видов; 2) *теория аккомодации* Ламарка (1809), трактовавшая превращение видов как следствие прямого приспособления к жизненным условиям; 3) *теория отбора* Дарвина (1844—1858) и Уоллеса (1858), т. е. теория происхождения видов путем накопления полезных признаков. Это накопление, согласно теории отбора, происходит в результате повторной передачи полезных признаков потомству по **закону наследственности** и повторного выживания наиболее подходящих к данным условиям форм при **конкуренции с себе подобными**. Победа в этой конкуренции (*struggle for life*) достигается за счет усиленного размножения и переживания наиболее приспособленных (*natural selection*) особей, способных сопротивляться **истребляющему влиянию** окружающих условий (холода, недостатка пищи, врагов и т. п.). Возможность появления наиболее приспособленных обеспечивается **индивидуальной изменчивостью** живых существ.

В таблице Зейдлица четыре компонента теории Дарвина, выделенные жирным шрифтом, показывают, каким путем совершается естественный отбор. Следующей (четвертой) теорией эволюции, вытекающей из теории отбора, Зейдлиц считал *углеродную теорию* Геккеля (1866), согласно которой (в интерпретации Зейдлица) основные положения теории отбора — наследственность, связанная с разномощением, изменчивость и борьба с неблагоприятными условиями — могут быть последовательно сведены к росту, питанию, обмену веществ, неустойчивости основных углеродсодержащих органических веществ — углеводов и белков, к способности углерода реагировать с другими элементами, к химическому молекулярному притяжению, т. е. в конечном счете к химическим и физическим законам.

Сочувственное отношение Зейдлица к механистическим воззрениям Геккеля имело своим источником отчетливо обнаруживающуюся во всем содержании книги антивиталистическую и антитеологическую позицию.

Весьма содержательны примечания к книге Зейдлица, занимающие во втором издании 44 страницы текста. В этих примечаниях интересна его полемика с антидарвинистами К. Негели, А. Келликером, Р. Вагнером, А. Вигандом, И. Губером, Э. Гартманом, М. Вагнером и др. Наряду с серьезной научной аргументацией Зейдлиц использовал иронию, особенно по адресу таких многословных и вместе с тем неудачных противников Дарвина, как Виганд; о его книге (A. W i g a n d. Der Darwinismus. Braunschweig, 1874) Зейдлиц заметил, что «из всех сочинений против дарвинизма решительно самым ценным является произведение Виганда, так как оно стоит 4 талера»¹. Эту шутку привели в своих книгах Ф. А. Филипченко² и Э. Радль³.

К обоим изданиям «Теории Дарвина» приложен список «Литературы по эволюционной теории с 1859 г.» (во втором издании он занимает 48 страниц)⁴.

¹ G. Seidlitz. Die Darwin'sche Theorie, S. 242.

² См. список 3 на стр. 26, стр. 144, 145.

³ См. список 4, на стр. 30, стр. 65.

⁴ Произведения, так или иначе касающиеся эволюционного учения, разбиты в этом списке на следующие группы:

I. Литература и материалы pro (свидетельствующие в пользу эволюции):

1) сочинения, главным образом посвященные теории Дарвина; 2) изложения теории Дарвина в сочинениях другого содержания; 3) попутные высказывания о теории Дарвина; 4) авторы, являющиеся сторонниками эволюционной теории, но прямо не высказывающиеся в пользу теории отбора; 5) факты и соображения, которые могут быть использованы в пользу теории Дарвина; 6) биографии, переводы, выдержки, рефераты, подсобные литературные источники и т. д.

II. Литература неизвестного автору содержания (pro или contra): 7) сочинения о теории Дарвина или такие, в которых идет речь об эволюционной теории; 8) сочинения, в которых можно ожидать наличия соответствующих материалов и высказываний.

III. Литература contra (против эволюционного учения): 9) естественс-

Как явствует из подразделения приведенных в списке литературных материалов, Зейдлиц при его составлении преследовал главным образом библиографические цели. Он не ставил задачей ознакомиться со всеми упомянутыми в списке источниками и включил в него сочинения, по самим заглавиям которых можно было предполагать, что в них содержатся факты или суждения затрагивающие проблемы эволюции. Прделанная Зейдлицем библиографическая работа, несомненно, чрезвычайно полезна для ознакомления с состоянием эволюционного учения в период с 1859 по 1874 г.

Помимо списка литературы по эволюционной теории в книге «Теория Дарвина» Зейдлиц позднее опубликовал еще аннотированный указатель немецкой литературы по дарвинизму¹.

пытатели; 10) философы; 11) теологи; 12) анонимы или авторы, не относящиеся к трем предыдущим категориям; 13) рефераты и переводы.

Большой объем работы, выполненный для составления этого перечня литературы по вопросам эволюции, должен был привести к отдельным ошибкам в оценке цитированных источников. К числу таких ошибок относится характеристика работы А. О. Ковалевского «История развития простых асцидий», опубликованной на немецком языке в 1866 г. в «Мемуарах Петербургской академии наук». Эту работу Зейдлиц поместил в 4 раздел своего списка и пометил звездочкой, в подзаголовке раздела сказано, что эта пометка указывает на то, что автор работы выступал против теории отбора. Еще более необоснованна также помеченная звездочкой ссылка в третьей части 5 раздела на работу А. Ковалевского о развитии ланцетника, напечатанную там же в 1867 г.; в этой части списка помещены работы, имеющие отношение к теории эволюции, авторы которых специально не высказывались в пользу теории Дарвина, а звездочкой отмечены ее противники. На самом деле никаких суждений, свидетельствующих об отношении Ковалевского к теории отбора, в этих его статьях не содержится. Вообще же общеизвестно, что А. О. Ковалевский полностью разделял дарвиновские принципы эволюции, высказав эти взгляды еще в магистерской диссертации (1865), посвященной развитию ланцетника.

¹ G. Seidnitz. Zur Darwin-Literatur (Die bisherige literarische Bewegung in Deutschland bis 1875 incl.). — Kosmos, I. Jg., 6 H., 1877, S. 545—558; то же (bis 1876 incl.). II. Jg., 9 H., 1878, S. 232—247. Представляет исторический интерес самый журнал, в котором помещены статьи Зейдлица. Он имеет подзаголовок: «Журнал единого (einheitlichen), т. е. монистического мировоззрения на основе учения о развитии, при участии Чарльза Дарвина и Эрнста Геккеля, а также ряда выдающихся исследователей в (различных — Л. Б.) областях дарвинизма». Редакторами «Космоса» были сначала О. Каспари (Гейдельберг), Г. Йерер (Штуттгарт) и Э. Краузе (Берлин). О. Каспари — антрополог, автор книги «Urgeschichte der Menschheit, mit Berücksichtigung auf die natürliche Entwicklung des frühesten Geisteslebens» (1873), статьи «Philosophie und Transmutations-Theorie» («Ausland», № 32—34, 1874) и др. Г. Йерер — один из первых популяризаторов учения Дарвина; ему принадлежит книга «Die Darwin'sche Theorie über die Entstehung der Arten» (Wien, 1862), «Зоологические письма» (см. сполку 2 на стр. 17) и др. Э. Краузе, чаще писавший под псевдонимом Карус Штерне (анagramма его фамилии и имени), — автор неоднократно издававшейся книги «Werden und Vergehen». В 1909 г. вышел ее трехтомный русский перевод под названием «Эволюция мира». В «Космосе» печатались статьи Дарвина (между прочим, опубликованы два его письма), Геккеля, Краузе и др. В числе постоянных сотрудников журнала значился Г. Зейдлиц.

Первый раздел критико-библиографической статьи Зейдлица озаглавлен «Изложения, объяснения и критические обоснования теории Дарвина». В нем Зейдлиц привел названия первых по времени сочинений, посвященных пропаганде дарвинизма, в частности, упомянул изданные в Вене два доклада Г. Йегера под общим заглавием «Учение Дарвина о происхождении видов» (см. сноску 1 на стр. 44) и его «Зоологические письма», а также книгу Ф. Ролле¹. Об этой последней Зейдлиц выразительно заметил: «Сколь многих ошибок и неправильных толкований можно было бы избежать с самого начала, если бы *каждый* позднейший писатель (как противник, так и сторонник), прежде чем самому писать о теории отбора, проштудировал бы его азбуку по маленькой книге Ролле»². Зейдлиц указал также, что Ролле писал в дарвиновском духе о происхождении человека и его культуры в книге, вышедшей двумя изданиями еще до появления соответствующего труда Дарвина³.

Зейдлиц отчетливо представлял себе необходимость охранять дарвинистское понимание эволюции, т. е. теорию естественного отбора, от рецидивов ламаркистских представлений, допускавших прямое приспособление, иначе говоря, возникновение целесообразных свойств помимо естественного отбора под непосредственным воздействием внешних агентов. Именно эти соображения побудили Зейдлица специально отметить, что во «Всеобщей морфологии» Геккеля «не совсем правильно изложена дарвиновская теория отбора, поскольку этот автор более склоняется к ламаркизму»⁴. Подобные же замечания Зейдлиц сделал по поводу книги О. Шмидта «Эволюционная теория и дарвинизм»⁵ и А. Доделя «Новая теория творения»⁶.

Более подробно в этой критико-библиографической статье Зейдлиц остановился на содержании второго издания своей книги «Теория Дарвина» и резюмировал имеющиеся в ней суждения об изменчивости и наследственности как факторах эволюции следующим образом.

При рассмотрении индивидуального несходства, т. е. изменчивости, необходимо разграничивать врожденные и приобретенные различия, хотя и те и другие могут иметь приспособительное значение. Только относительно последних можно утверждать, что они возникают под непосредственным влиянием внешних факторов в течение индивидуальной жизни, тогда как первые всегда зависят от наследственного неравенства. Поэтому именно врожденные уклонения всегда оказываются наследственными,

¹ См. сноску 2 на стр. 6.

² G. Seidlitz. Zur Darwin-Literatur, S. 517.

³ Fr. Rolle. Der Mensch, seine Abstammung und Gesittung im Lichte der Darwin'schen Lehre, 1866; 2-te Aufl., 1870.

⁴ G. Seidlitz. Zur Darwin-Literatur, S. 517.

⁵ См. сноску 3 на стр. 30.

⁶ A. Dodel. Die neuere Schöpfungsgeschichte, 1875, 518 S.

тогда как приобретенные наследуются чрезвычайно редко (höchst selten). Вследствие этого только наследование врожденных свойств можно считать закономерно действующим фактором в механизме естественного отбора; ламарковско-геккелевская теория, наоборот, основывается на наследовании приобретенных уклонений¹.

Далее Зейдлиц заметил, что суммарное понятие «борьба за существование», которым обозначают весьма различные по характеру явления, должно быть, во избежание ошибочных толкований, разбито на два, и следует строго отличать истребляющее влияние внешней среды от обусловленной врожденными различиями конкуренции с себе подобными. Указанное воздействие среды в связи с наличием индивидуальных различий и выработавшихся в процессе эволюции особенностей поведения, обеспечивающих самосохранение, имеет следствием однократный «естественный выбор», в то время как посредством конкуренции за счет интенсивного размножения осуществляется повторяющийся «естественный отбор», приводящий к филогенетическому приспособлению видов. Это «приспособление», в том значении, которое ему придал Дарвин, следует со всей определенностью отличать от происходящего в онтогенезе приспособления индивидуумов в ламарковском и геккелевском смысле, т. е. от приобретения индивидуальных уклонений. Затем Зейдлиц подвел итог своим соображениям о том, что следует различать консервативное и прогрессивное приспособления в филогенезе.

Второй раздел указателя литературы посвящен сочинениям, ставившим целью добавить что-либо новое к учению об историческом развитии органического мира. Сюда Зейдлиц отнес мысли Геккеля и Йегера, касающиеся не затронутого Дарвином вопроса о возникновении первых организмов, попытки конкретизировать генеалогические отношения и уточнить пути эволюционного процесса и способы его осуществления. Зейдлиц упомянул здесь сочинения Геккеля о радиоляриях, монерах, известковых губках, его «Теорию гастрей» и «Антропогению», а также работы Т. Гексли, К. Фогта, О. Шмидта, А. Дорна, Фр. Мюллера, К. Гегенбаура, Л. Рютимейера, Н. Клейненберга, К. Земпера и ряда других зоологов, ботаников, палеонтологов и геологов, развивших различные аспекты теории Дарвина.

Не рассматривая других разделов указателя, следует упомянуть о его пятом разделе, который посвящен «теоретикам эволюции, являющимся противниками естественного отбора». Зейдлиц отнес сюда авторов, возражавших против отдельных сторон теории, в частности Г. Бронна, затем М. Вагнера, имевшего сначала намерение дополнить своей теорией миграции теорию естественного отбора, а затем совершенно отказавшегося от

---

¹ G. Seidlitz. Zur Darwin-Literatur, S. 550.

последней. Далее речь идет о биологах, одни из которых, например Негели, пытались сочетать теорию естественного отбора с телеологическими представлениями, вроде «принципа совершенствования», или высказывали сходные взгляды (А. Браун, Э. Аскенази), а другие открыто противопоставляли дарвинизму свои дуалистические телеологические воззрения. В этой группе, наряду с другими, названы К. Карус, А. Энглер, Р. Оуэн, К. Бэр, а также философы К. Спелль и И. Губер. Несомненным недо-разумением является включение в эту группу А. О. Ковалевского.

Двумя годами позже Зейдлец опубликовал еще одну реферативную сводку по вопросам эволюционной теории и филогении¹.

Теоретические воззрения Г. Зейдлица, которые по справедливости могут считаться последовательно дарвинистскими, нашли выражение и в уже упоминавшемся его сочинении «К эволюционной теории», состоящем из двух самостоятельных статей — «Хроматическая функция как естественное средство защиты» и «Бэр и теория Дарвина».

Статья об окраске животных представляет литературный обзор, в котором изложены данные о хроматических функциях в широком смысле слова; эти данные приведены в систему и сведены в таблице, в которой рассмотрены разные категории окраски — привлекающая, устрашающая, коррелятивная и, наконец, защитная.

Пути эволюционного происхождения признаков окраски не вызывали у Зейдлица никаких сомнений: «Чем более детально,— писал он,— изучались явления окраски животных и растений в свете селекционной теории, тем яснее обнаруживалось, что все они возникают посредством естественного отбора, хотя и очень различными путями. Общим для всех является то, что они создают для их обладателей то или иное *преимущество*, что вообще является необходимым условием для прогрессивного развития соответствующего признака; ибо только признаки, полезные для их обладателей, могут накапливаться естественным отбором от поколения к поколению»².

Различия в путях образования подобных защитных признаков зависят от особенностей этих признаков, которые, по Зейдлицу, делятся на три категории:

1. «Общее приспособление»; оно обуславливает *симпатическую окраску*, соответствующую цвету среды, так что животное, будучи неподвижным, остается совершенно неразличимым.

¹ (Referent Dr. Georg Seidlitz) Descendenztheorie und Phylogenie.— Zool. Jahresbericht, 1879, S. 81—93.

² G. Seidlitz. Die chromatische Function als natürliches Schutzmittel, S. 3.

2. «Частное приспособление»: окраска (и одновременно форма тела), сходная с определенными несъедобными мертвыми предметами, с которыми животное может быть спутано.

3. Мимикрия: окраска (и форма) соответствует «предупреждающей окраске» других несъедобных животных, быть похожими на которых составляет немалое преимущество»¹.

Зейдлиц констатировал далее, что как приведенные случаи постоянно существующей симпатической окраски, так и явления периодического ее возобновления — сезонное изменение цвета пера или оперения, белого зимой и пестрого летом, — являются следствием естественного отбора унаследованной, ритмически проявляющейся физиологической функции, а не следствием прямого влияния климата. Действительно, в бесснежные зимы белеющие в этом сезоне животные все равно имеют белую окраску, но их численность заметно снижается.

Собранные в статье Зейдлица данные об экспериментальном изменении окраски разных животных (рептилий, амфибий, ракообразных и моллюсков) в зависимости от освещения и окраски грунта свидетельствуют о рефлекторном характере «хроматической функции», причем она осуществляется через органы зрения и нервную систему. Во всяком случае, всю совокупность проявлений этой функции «следует отнести к защитным свойствам и поэтому считать, что она возникла в результате естественного отбора в качестве приспособления против врагов»².

Общим проблемам дарвинизма как основы, на которой должно строиться мировоззрение биолога, посвящена вторая статья той же книги, представляющая развернутую полемику с К. Бэр, выступившим против теории Дарвина.

Отношение Г. Зейдлица к К. Бэру было сложным. Зейдлиц, разумеется, высоко оценивал разностороннюю творческую деятельность Бэра. Чувства уважения и личной симпатии к нему поддерживал в Г. Зейдлице и его отец, старый друг Бэра. Это не мешало отцу и сыну критически обсуждать эволюционные взгляды Бэра и не соглашаться с его отрицательным отношением к теории Дарвина, а равно и к авторам, пропагандировавшим дарвинизм, в частности к Геккелю. Зейдлиц неоднократно касался этих вопросов в письмах к Геккелю, без церемонии говоря в них о «старом Бэре»³.

Очень интересно сообщение Зейдлица, касающееся истории опубликования бэрского сочинения о теории Дарвина. Выясняется, что Бэр, написав его, долгое время сомневался, следует

¹ G. Seidlitz. Die chromatische Function..., S. 4—5.

² Там же, стр. 26.

³ Он писал, в частности: «(Отец — Л. Б.) пишет мне, что он выдерживает со старым Бэр, с которым дружен с университета, жестокую борьбу, так как Бэр «страшно зол» («ganz wild») на Вашу «Всеобщую морфологию» (Письма Г. Зейдлица к Э. Геккелю. Письмо из Дрездена 26 марта 1868 г [стр. 3]).»

ли выпускать его в свет. «О старом Бэре,—говорится в одном из писем,—мой отец прислал мне недавно следующее известие, которое заинтересует и Вас: «Сегодня после большого перерыва я снова был у Бэра. Он сокрушенно говорил, что намерен бросить в огонь большую работу *против* дарвинизма, которую писал в течение всего лета. «Эта вещь (дарвинизм — Л. Б.),—сказал Бэр,—приобретает все больше сторонников, значит в ней есть что-то истинное. А у меня без того работы по горло!» О Геккеле он, однако, хорошо не отзывається, поскольку, как ему кажется, Геккель развивает гипотезу Дарвина слишком далеко в тех направлениях, которые Дарвин не имел в виду»¹. Бэр продолжал интересоваться всем, что могло противоречить антипатичной ему идее происхождения человека от обезьяны. Г. Зейдлиц привел в связи с этим следующую выдержку из того же письма своего отца: «Бэр после вскрытия одной погибшей здесь обезьяны вернулся к своему утверждению о *четверорукости* обезьяны, так как прозектор (Штида) нашел в ноге этого животного... *короткий сгибатель, короткий разгибатель* и длинную икроножную мышцу»². Это место из отцовского письма должно было специально заинтересовать Г. Зейдлица, поскольку он за два года перед тем в одном из тезисов своей магистерской диссертации утверждал, что задняя конечность обезьян является не рукой, а ногой.

Приведя эти выдержки из письма отца, Г. Зейдлиц продолжал: «Если Бэр действительно сжег свою работу *против* дарвинизма, над которой работал все лето, то я в большом сомнении, не должен ли и я тоже сжечь свою работу *в защиту* дарвинизма, над которой тоже работал целое лето, вместо того чтобы поехать на Кингзее или в Высокие Татры... Все же у меня нет желания следовать примеру Бэра, несмотря на то или, скорее, вследствие того, что мудрый факультет философов в Лейпциге пришел к заключению, что моя работа не содержит ничего нового»³.

О дальнейшей судьбе сочинения Бэра Зейдлиц упомянул в одном из более поздних писем: «В конце октября я был в Мюнхене, где работал у старого великолепного (grächtigen) Зибольда. Я был приятно поражен, найдя в старом господине ревностного дарвиниста... И хотя в своих сочинениях он на эту тему не высказывался, однако ежегодно во вступительных лекциях к курсу общей зоологии сообщал о теории Дарвина. Это один из немногих старых зоологов, которые сумели полностью приспособиться к новым идеям... Старый Бэр этого не мог, вероятно потому, что он уже ранее давно и полностью приспособил-

¹ Письма Г. Зейдлица к Э. Геккелю. Письмо из Лейпцига 15 декабря 1868 г. [стр. 1].

² Там же [стр. 1, 2].

³ Там же, [стр. 2]. Речь идет о конкурсном сочинении на замещение преподавательской должности в Лейпцигском университете.

ся к своей ограниченной эволюционной теории... Он как следует не разобрался и решается отдать в печать сделанный много лет тому назад доклад о дарвинизме»¹.

Однако Бэр в конце концов опубликовал свое полемическое сочинение против Дарвина², на которое Г. Зейдлиц немедленно откликнулся упомянутой дискуссионной статьей.

Выше уже было отмечено, что эта работа Зейдлица не привлекла должного внимания историков науки. Впрочем, вюрцбургский профессор философии Р. Штельцле, опубликовавший обширное сочинение «Карл Эрнест фон Бэр и его мировоззрение», в разных местах этой книги мимоходом упоминал как лекции Зейдлица о теории Дарвина, так и его полемическое произведение. На отношение к суждениям Зейдлица о Бэре наложила отпечаток вся направленность книги Штельцле. Он с самого начала заявил, что будет оценивать взгляды Бэра с теистически-христианской точки зрения. В угоду этой предвзятой позиции Штельцле необоснованно утверждал, будто мировоззрение Бэра было антиэволюционным и идеалистическим, причем высказывания Бэра против креационизма он считал плодом «заблуждения». Штельцле писал, в частности, с негодованием о «малоприличной полемике Бэра против идеи творца», ссылаясь на следующее ироническое замечание его в письме к А. А. Кайзерлингу о возникновении на Земле новых органических форм: «Я не хочу,— писал Бэр,— утруждать этим господа нашего, ибо, если бы он пожелал сбросить с неба новый ком глины, то последний должен был бы разлететься в пыль. Господу нашему пришлось бы поэтому сначала спуститься на Землю и приобрести ее скорость; только тогда он смог бы приняться за формовку»³. Совершенно естественно, что Штельцле превозносил телеологические и антидарвинистские суждения Бэра, посвятив этому в своей книге специальный параграф под названием «Бэр защищает телеологию от дарвинистов». В связи с этим Штельцле писал, что «утверждения Г. Зейдлица, будто Бэр хотел спорить главным образом с дарвиновской телеофобией, несостоятельно»⁴.

¹ Письма Г. Зейдлица к Э. Геккелю. Письмо из Дерпта 6 мая 1873 г. [стр. 2, 3].

² K. E. v. Baer. Über Darwin's Lehre. Reden in wiss. Vers. u. kleinere Schr. vermisch. Inhalts. II Th., SPb., 1876, S. 235—480.

³ R. Stölzle. Karl Ernst von Baer und seine Weltanschauung. Regensburg, 1897, XI — 687 S. Цит. место на стр. 167. Текст письма приведен на стр. 659. Об атеизме Бэра имеется достаточно бесспорных свидетельств. Одним из них является утверждение Людвиг Граве — личного секретаря Бэра, что Бэр в письме к доктору Зейдлицу заметил: «Разыскания о том, существует ли личный бог и обладает ли он самопознанием, это просто бред сумасшедшего (gehört in's Tollhaus), так как для них нет никаких оснований (Dorpat. Stadtblatt. № 81, 1 Aug., 1877); процитировано у Stölzle (S. 430) и у Б. Е. Райкова (стр. 455) (см. сноски 2 на стр. 8).

⁴ R. Stölzle, S. 88.

Поэтому Штельцле возражал против утверждения Зейдлица, о том, что Бэр был в некоторых отношениях предшественником Дарвина. Хотя известно, что и сам Дарвин в «Историческом очерке», открывающем «Происхождение видов», перечисляя своих предшественников, назвал среди них и Бэра, который «выразил свое убеждение, что формы, в настоящее время совершенно различные, произошли от одной прародительской формы»¹.

Дискуссионное сочинение Г. Зейдлица «Бэр и теория Дарвина» не вполне забыто и в настоящее время, хотя и не оценено по достоинству. В частности, на него приведена ссылка в недавно вышедшей книге Дж. Оппенгеймер «Очерки по истории эмбриологии и биологии». Оппенгеймер пишет: «Когда Георг Зейдлиц, убежденный дарвинист из Дерпта, где Бэр жил, выйдя в отставку, опубликовал в 1876 г. полемическое произведение, имеющее целью показать, что Бэр был более дарвинистом, чем он думал сам, что он неправильно понял Дарвина и что его расхождения с последним имеют меньше значения, чем он считал, Бэр был этим возмущен»².

Оппенгеймер не ссылается на источник, из которого она почерпнула сведения о «возмущении» Бэра полемическим выступлением Зейдлица. Это ее утверждение основывается на недоразумении³. Оппенгеймер могла бы, скорее, сослаться на письмо Бэра к Губеру 22 января 1876 г. (когда полемическая статья Зейдлица еще не вышла), в котором шла, конечно, речь о книге Зейдлица «Теория Дарвина». В этом письме сказано: «Что г. Зейдлиц постоянно провозглашает меня дарвинистом, основывается только на том, что я уже раньше представлял себе возможность трансформации. А то, что я не хочу изгонять λόγος (разум — Л. Б.) из мира и считаю совершенно немислимым образование мира без лежащей в основе цели, эти господа никогда не принимают во внимание»⁴.

Из всего того, что Бэр писал о дарвинизме, явствует его решительное несогласие с основным принципом теории Дарвина, учением о естественном отборе. Бэр, разумеется, напрасно укорял Зейдлица за то, что последний считал его дарвинистом. Если бы Зейдлиц был такого мнения, он не написал бы своего сочинения в защиту дарвинизма от нападения Бэра. Поэтому неправда и Дж. Оппенгеймер, приписавшая Зейдлицу мнение

¹ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, 1939, стр. 268.

² Jane Oppenheimer. Essays in the history of embryology and biology. Cambridge, Mass.—London, 1967, p. 374. Цит. место на стр. 232.

³ Бэр не смог прочесть дискуссионное сочинение Зейдлица, так как оно появилось после его смерти (28 ноября 1876 г.); цензурное разрешение книги Зейдлица *Beiträge zur Descendenztheorie*, в которую входит статья «Baer und die Darwin'sche Theorie», датировано 24 августа 1876 г., и книга вышла в 1877 г.

⁴ Цит. по Штельцле (см. сноску 3 на стр. 50), стр. 675. Возможно, что под «этими господами» Бэр разумел отца и сына Зейдлицев.

о том, что расхождения между Дарвином и Бэром несущественны.

В предисловии к статье «Бэр и теория Дарвина» Зейдлиц заметил, что он как дарвинист считает себя вынужденным поднять перчатку, брошенную Бэром, хотя и чувствует себя связанным в полемике тем глубочайшим уважением, которое он сам, как и все современники Бэра, к нему питает. Выступить в защиту дарвинизма Зейдлиц считал себя обязанным потому, что он в течение ряда лет излагал в Дерптском университете теорию Дарвина как научную истину и чувствовал за это ответственность как по отношению к своим слушателям, так и ко всей ученой корпорации университета. Это довольно объемистое сочинение Зейдлица (130 стр.) касается трех статей Бэра, органически связанных между собой. В первой главе Зейдлиц обсуждает статью Бэра «О цели в явлениях природы. I часть. О целесообразности и направленности вообще» и ее продолжение «О направленности (процессов — Л. Б.) особенно в органических телах»¹. Прежде всего Зейдлиц выразил несогласие с предложением Бэра различать в природе «направление» (Ziel) и «цель» (Zweck); первым понятием Бэр обозначал принудительную необходимость изменений, зависящую не от сознания и воли, а от организации живого, а вторым — сознательно поставленную задачу. Возражение Зейдлица против применения этих понятий основывалось прежде всего на том, что сам Бэр пользовался понятиями Ziel и Zweck непоследовательно, утверждая в одном месте, что природе нельзя приписывать никаких целей (Zwecke), а в другом — что для истинного познания природы нельзя обойтись без господствующего разума. Зейдлиц считал, что в природе не существуют предумышленные цели, но что телам живой природы свойственна возникающая целесообразность (gewordene Zweckmässigkeit). «Телеофобия додарвиновского времени, против которой возражал Бэр, фактически была устранена теорией отбора»². В этой же главе Зейдлиц критически обсудил соображения Бэра о направленности (Zielstrbigkeit) в онтогенетическом развитии, в поддержании жизни особи и в филогенезе, считая, что, во всяком случае, направленность филогенетического развития рационально объясняется естественным отбором.

---

¹ K. E. v. Baer. Über den Zweck in den Vorgängen der Natur. Erste Abth. Über Zweckmässigkeit oder Zielstrebigkeit überhaupt. Reden (см. сноски 2 на стр. 50), S. 49—109; Über Zielstrebigkeit der organischen Körper insbesondere. — Ibid., S. 170—234.

Содержание этих статей Бэра и смысл применявшихся в них терминов Ziel, Zweck и их производных были в свое время подробно рассмотрены в книге: Л. Я. Бляхер. История эмбриологии в России (с середины XVIII до середины XIX в.). М., 1955 (глава «К вопросу о теоретических воззрениях Бэра», стр. 281—294).

² G. Seidlit z. Baer und die Darwin'sche Theorie, S. 43.

Более детально упомянутые вопросы обсуждены во второй главе, специально посвященной критике сочинения Бэра «Об учении Дарвина».

Прежде всего Зейдлиц показал, что возражения Бэра, адресованные Дарвину, на самом деле должны относиться к Меккелю и Окену, а также к Шопенгауэру и Гартману, взгляды которых Бэр неосновательно смешивал с дарвиновскими. Далее Зейдлиц последовательно рассмотрел высказанные Бэром многочисленные сомнения и возражения относительно теории эволюции, или трансмутации вообще, относительно теории отбора и некоторых частных эволюционных учения.

Наибольший интерес представляют ответы Зейдлица на суждения Бэра, касающиеся основы учения Дарвина — принципа естественного отбора. Бэр полагал, что незначительные отклонения должны устраняться вследствие большей численности исходной формы. Зейдлиц возразил, что это могло бы произойти в условиях свободного размножения исходных и измененных особей; на самом же деле размножение тех и других регулируется отбором, и в случае большей приспособленности какой-либо из измененных форм по сравнению с исходной выживает и начинает интенсивно размножаться именно эта наилучшим образом приспособленная форма. Сомнения Бэра в том, что различия близких видов могут не иметь значения в борьбе за существование, Зейдлиц парировал указанием на существование различных форм конкуренции и борьбы за существование в точном смысле слова. При этом особенно большое значение Зейдлиц, вслед за Дарвином, придавал внутривидовой конкуренции, при которой решающее значение могут иметь и небольшие различия.

Бэр с удовлетворением ссылаясь на «признание» Дарвина в том, что он преувеличивал значение естественного отбора в ущерб возможной роли в эволюции результата употребления и неупотребления органов. Зейдлиц иронически заметил, что «ни одно место в трудах Дарвина так усердно не читалось и так часто не цитировалось, как упомянутое, и как ламаркисты, так и эволюционисты-телеологи и сторонники теории миграции стремились нажать на нем капитал»¹. На самом деле эти слова Дарвина свидетельствуют только о его научной осторожности, и в последующих изданиях «Происхождения видов» Дарвин значительно сузил круг явлений, предположительно объяснимых без участия естественного отбора.

Затем Зейдлиц вернулся к затронутому Бэром вопросу о мнимой бесполезности незначительных отклонений. Это утверждение как будто подтверждалось математическими расчетами антидарвиниста И. Губера², из которых последний сделал вывод, будто

¹ G. Seidlitz. Baer und die Darwin'sche Theorie, S. 110.

² I. Huber. Die Lehre Darwin's kritisch betrachtet. München, 1871, S. 296.

свободное скрещивание должно вести к поглощению возникающих уклонений. Зейдлицу, очевидно, остались неизвестными более ранние, опубликованные в 1867 г., расчеты Ф. Дженкина¹, также писавшего о «заболачивающем» влиянии свободного скрещивания. Этому возражению против возможности использования отбором малочисленных уклонений Зейдлиц противопоставил ссылку на две формы отбора — «консервативного», имеющего место при неизменных условиях существования, когда соображения Губера справедливы, и «прогрессивного», происходящего при изменившихся условиях, когда его расчеты делаются беспредметными.

Очень существенно различие взглядов Дарвина и Бэра, сводящееся к тому, что, по Дарвину, изменение предшествует приспособлению, а, по мнению Бэра, первичным является именно приспособление как выражение направленности (*Zielstrebigkeit*) жизненных явлений. Для иллюстрации этого разногласия, причем Зейдлиц полностью присоединяется к дарвиновской точке зрения, он подробно охарактеризовал способы перехода от водного образа жизни к наземному и показал, как этот переход трактуется с позиции теории отбора и с точки зрения Бэра².

Весьма интересен параграф, посвященный соотношению наследственности, изменчивости и приспособления, где в основном идет речь о смысле понятия «приспособление». Недоумение Бэра по поводу того, что Дарвин не дал точного определения этого понятия, объясняется, по мнению Зейдлица, тем, что Бэр не уловил тот единственно научный смысл понятия «приспособление», который вытекает из принципа естественного отбора.

Сам Бэр употреблял понятие приспособления в очень различных смыслах, подобно Геккелю, который создал этим путаницу, так как относил к явлениям приспособления и «непрямое приспособление» в форме врожденных индивидуальных уклонений, дающих материал для естественного отбора, и «прямое приспособление» — в форме приобретенных индивидуальных уклонений, которые, не будучи наследственными, тем самым не могут служить материалом для естественного отбора. Геккелевское понятие «прямого приспособления» соответствует духу ламарковской «теории аккомодации» и чуждо дарвиновской теории отбора.

В этом месте Зейдлиц сослался на Вейсмана, который в работе о превращении аксолотля³ заметил, что понятие «приспособление» необходимо употреблять только в том смысле, которое ему сообщает дарвиновская теория естественного отбора. Ранних эволюционных представлений Вейсмана Зейдлиц коснулся в

¹ F. J e n k i n. The origin of species.— North Brit. Rev., 1867, v. 46, p. 149—171.

² Сходные с бэровскими воззрения позднее под названием теории преадаптации развивали Л. Кепо и его последователи.

³ A. W e i s m a n n. Über Umwandlung des mexikanischen Axolotl in ein Amblystoma.— Zeitschr. f. wiss. Zool., 1875, Suppl. Bd. 25, S. 297—334.

рецензии на книгу «Этюды по теории эволюции. II. О последних причинах трансмутации», отметив непоследовательность его взглядов. Зейдлиц привел выдержку из этой книги: «Альтернатива гласит (эволюция происходит — Л. Б.): посредством филетической жизненной силы или посредством реакции организма на внешние воздействия»¹ и заметил, что в этих словах «телеология противопоставляется только ламаркизму, а дарвиновская теория отбора с ее неравным наследованием отодвигается в сторону как *tertium non datur* (исключенное третье — Л. Б.)». «Слово «приспособление», — писал далее Зейдлиц, — много раз... употребляется (Вейсманом — Л. Б.) без разъяснения, что оно мыслится в дарвиновском, а не в ламарковско-геккелевском смысле»². Действительно, в рассмотренном Зейдлицом сочинении Вейсмана, а равно и в более раннем его выступлении «О подтверждении дарвиновской теории»³ Вейсман еще не вполне освободился от некоторых ламаркистских заблуждений.

Впервые с бескомпромиссным противопоставлением теории Дарвина ламаркистским воззрениям Вейсман выступил значительно позднее⁴.

В разделе «Сомнения относительно частных положений эволюционной теории» Зейдлиц в числе других вопросов коснулся отношения Бэра к проблеме происхождения человека. Отвечая на упрек Бэра Дарвину, что последний в «Происхождении видов» не затронул вопроса о происхождении человека, Зейдлиц заметил, что это было сделано не вследствие сомнений в животном происхождении человека и не из оппортунистических соображений; Дарвин считал, что для понимающего читателя достаточно содержащегося в его книге краткого утверждения, что при дальнейшей разработке теории эволюции «много света будет пролито на происхождение человека и его историю»⁵, а также многочисленных сопоставлений строения и эмбрионального развития человека и животных. Зейдлицу было ясно, что Дарвин без боязни высказывал свои взгляды, так как в 1871 г. он выпустил в свет труд «Происхождение человека», реакцию на который легко можно было предвидеть. «Забавно наблюдать, — писал Зейдлиц, — как работа Дарвина, несущая это поджигательное название, привела в движение перья журналистов и газетных писак», причем «некоторые бравые авторы»⁶ выступили против Дарвина, не имея ни малейшего представления о его сделавшем эпоху труде

¹ A. Weismann. Studien über Deszendenz-Theorie. II. Über die letzten Ursachen der Transmutation, Leipzig, 1876, S. 76.

² G. Seidlitz. Zur Darwin-Literatur.—II. Kosmos, 1878, II Jg., 9 Heft, S. 235.

³ A. Weismann. Über die Berichtigung der Darwinschen Theorie. Leipzig, 1868.

⁴ A. Weismann. Über die Vererbung. Jena. 1883.

⁵ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, 1939, стр. 665.

⁶ В списке: «например, Homo versus Darwin, Widerlegter Darwinismus etc».

«Происхождение видов» или совершенно легковесно высказывались в пользу теории эволюции»¹.

В письме к Геккелю, касаясь подобных невежественных суждений о теории Дарвина и, в особенности, о ее применении к проблеме происхождения человека, Зейдлиц писал: «Меня очень обрадовало «Введение» Дарвина к «Происхождению человека»². Оно показывает, что Геккель совсем не дарвинистичнее (darwinistischer), чем сам Дарвин, и забавно слышать, как *теперь* все моськи, которые до сих пор нападали на Геккеля и К⁰, внезапно, как по команде, начали лаять на Дарвина»³.

Происхождение человека, по мнению Зейдлица, подчиняется тем закономерностям, что и эволюция всего животного мира. Касаясь недоуменного вопроса Бэра, «что могло побудить (предков человека — Л. Б.) покинуть деревья с их плодами»⁴, Зейдлиц заметил: «Теория отбора дает на это точный ответ: недостаток пищи вследствие перенаселения или вследствие убыли плодов или отмирания деревьев»⁵.

Обращаясь к генеалогии человека, Зейдлиц прежде всего счел себя вынужденным отметить, что Бэр напрасно приписывал Дарвину примитивное воззрение, будто эволюция человека шла через млекопитающих, птиц, рептилий, амфибий, рыб и ланцетника. Автором такого рода генеалогий являлся не Дарвин, а сочинители типа Каупа. Вместе с тем Бэр, возражая именно Дарвину, протестовал против утверждения о происхождении плотоядных млекопитающих от хищных птиц, белок — от зерноядных птиц, тюленей — от водоплавающих птиц, верблюдов — от страусов. «В этом педантичном обвинительном акте против дарвинизма, — писал Зейдлиц, — в котором последний клеймится как совершенно нелогичный, отсутствует судейская беспристрастность и справедливость»⁶.

Далее Зейдлиц упомянул ошибочно приписанное Бэром Дарвину утверждение, что всякое сходство свидетельствует об общности происхождения, и напомнил, что на самом деле Дарвин ясно отличал гомологичные признаки, говорящие о кровном родстве, от аналогичных или приспособительных свойств. Здесь

¹ G. Seidlitz. Baer und die Darwin'sche Theorie, S. 148.

² Зейдлиц, очевидно, имел в виду место, где Дарвин признавал «мысль, что человек наравне с другими видами является потомком какой-либо древней и вымершей формы», совсем не новой, и ссылался на мнения Уоллеса, Гексли, Лайела, Фогга, Леббока, Бюхнера, Ролле, а особенно Геккеля, который «всесторонне разобрал генеалогию человека» (Ч. Дарвин. Сочинения, т. 5, 1953, стр. 134, 135).

³ Письма Г. Зейдлица к Э. Геккелю. Письмо из Дерпта 17 марта 1872 г. [стр. 4]. Сравнение критиков Дарвина с моськами, лающими на слона, Г. Зейдлиц заимствовал из стаги своего отца, посвященной труду Дарвина «Происхождение человека» (см. сноску 3 на стр. 10).

⁴ K. E. v. Baer. Über Darwins Lehre, S. 326.

⁵ G. Seidlitz. Baer und die Darwin'sche Theorie, S. 157.

⁶ Там же, стр. 164.

же Зейдлиц отметил, что Дарвин и его последователи сознательно использовали существовавшие еще в додарвиновское время точные по содержанию понятия «аналогия» и «гомология» и выразил удивление, зачем Бэру понадобилось заменять их новыми («идеальное» и «генетическое» сродство), предложенными не специалистом биологом, а философом Гартманом.

В заключение Зейдлиц еще раз обратил внимание на то, что нападки Бэра на теорию Дарвина имели источником неправильное понимание этой теории и приписывание ей того, чего в ней не содержится.

Приведенные в статье Зейдлица факты и соображения показывали понимание им подлинного содержания и значения дарвинизма. Поэтому статья представляет существенное дополнение к его лекциям по эволюционной теории, переизданным за год перед тем.

Если историки биологии, как показано выше, не уделили достаточного внимания полемическому выступлению Зейдлица против Бэра, то дарвинисты-современники оценили его по достоинству. В I томе организованного в 1877 г. журнала «Космос» была напечатана подробная рецензия на книгу Зейдлица, подписанная буквой «К»¹. Есть все основания думать, что ее автором является один из трех редакторов журнала — Эрнст Краузе. «Настоящее сочинение, — писал рецензент, — содержит две, хотя и очень различные по характеру, но одинаково своевременные и заслуживающие высокой оценки работы, именно, во-первых, критическое освещение истории открытия и сущности одного из самых совершенных процессов приспособления, способности животных быстро приобретать окраску, соответствующую окружению, ...и, во-вторых, чрезвычайно удачная защита теории Дарвина от одного из самых прискорбных и заслуживающих всяческого сожаления из числа известных до сих пор нападений, направленная против последних сочинений Эрнста ф. Бэра»². Упомянув о примерах защитной окраски у различных животных, рецензент заметил, что они столь наглядны, что должны «продемонстрировать *ad oculos* основные законы теории Дарвина самым крепкоголовым ее противникам». Обсуждение второй части книги Зейдлица начинается в рецензии следующими словами: «Что касается основательной защиты теории Дарвина от одного из самых уважаемых участников дискуссии, то мы должны сказать, что брошенная перчатка не могла быть поднята лучшей рукой»³. В рецензии подробно

¹ Beiträge zur Descendenztheorie von Georg Seidlitz. Leipzig. W. Engelmann, 1877 (это год фактического выхода книги; на титульном листе стоит 1876 г.).— Kosmos, I. Jg., 5 H., 1877, S. 453—456. О журнале «Космос» см. сноску 1 на стр. 44.

² Цит. рецензия, стр. 453.

³ Там же стр. 454.

рассмотрены аргументы, которыми Зейдлиц парировал возражения Бэра против дарвинизма, причем рецензент полностью присоединился к точке зрения Зейдлица.

Подводя итог рассмотрению основных теоретических произведений Г. Зейдлица «Теория Дарвина» и «К эволюционной теории (1. Хроматическая функция как естественное защитное средство. 2. Бэр и теория Дарвина)», следует признать, что обе эти книги представляют, несомненно, выдающееся явление в литературе, посвященной защите, пропаганде и развитию дарвинизма, и являются ярким эпизодом борьбы за дарвинизм в России.

GEORG SEIDLITZ AND HIS COURSE
OF LECTURES ON DARWINISM
AT THE DORPAT UNIVERSITY

L. J. Blacher

Summary

Georg Seidlitz, the author of many works on entomology, in 1869—1877 delivered a course of lectures on Darwinism at the Dorpat University. His lectures have been published in German twice — in Dorpat (1871) and Leipzig (1875). In 1876 he published a large polemical work in defense of Darwinism from the objections, contained in K. Baer's book «On the theory of Darwin» (1876). In Seidlitz's lectures on Darwinism the history of the evolutionary theory is exposed and is shown that only Darwin succeeded in solving the main methodological problem of evolution — the origin of the organic purposefulness. Developing further Darwin's theory of natural selection, Seidlitz differentiated between the «conservative» and the «progressive» selection corresponding to «stabilizing» and «leading» natural selection introduced later by I. I. Schmalhausen. Seidlitz distinctly distinguished «innate» and «acquired» characteristics considering only the first as being hereditary.